

ЭМИМУН

16+

(Не)желанный брак

НЕВЕСТА

КАМЕННОГО ГЕРЦОГА

Эми Мун

**(Не)желанный брак.
Невеста Каменного Герцога**

«Автор»

2021

Мун Э.

(Не)желанный брак. Невеста Каменного Герцога / Э. Мун —
«Автор», 2021

Меньше всего Ребекка думала о замужестве. Когда болезнь измучила душу и тело - не до мыслей о подвенечном платье. Но роду де Грейсторов не отказывают. Только зачем герцогу дурнушка, да еще и чуть живая? За мужчиной тянется вереница разбитых сердец, а выбрали ее. Однако вместо радости дыхание перехватывает от страха. Бежать бы, но торжество уже готово состояться...

© Мун Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эми Мун

(Не)желанный брак.

Невеста Каменного Герцога

Пролог

Сырой воздух тюрьмы пах плесенью и кровью. Веками темные камни стен впитывали в себя агонию преступников и ведьм, их крики о пощаде и жадный треск пламени, на котором грелись пыточные инструменты.

«Кто черным глазом «Милости» замечен – душой и телом будет искалечен...»

Эту глупую песню знали даже в самом захудалом кабаке. Шептали на ухо друг другу, опасаясь в голос рассказывать то, что творится за толстыми решетками в глубоких подвалах тюрьмы.

Вильгельм де Грэйстор – верховный канцлер ордена «Милости Создателя» – чуть заметно улыбнулся. Треп черни! Но, надо отметить, слухи чудесно отбивали охоту у юных ведьм использовать свой Дар. Лучше перегореть, чем стать орущим от боли куском мяса. Верное решение, удел женщины – подчинение мужчине. Во всем.

Поправив белоснежный шейный платок, мужчина неторопливо ступил на главную лестницу. Камеры для особо важных или упрямых заключенных находились в самом сердце «Милости Создателя».

– Господин, – стражник неловко брякнул латами, сгибаясь в поклоне ниже, чем следует. – Происшествий не было, но... Ведьма сегодня зла. Остереглись бы.

Одного взгляда хватило, чтобы «доброжелатель» заткнулся. Мясистое лицо сморщилось в подобострастной гримасе. Выслуживается. Давно метит на пост начальника стражи, да слишком туп и жаден.

Де Грэйстор приложил к замочной скважине печатку, и тонкий механизм пришел в движение. Вот оно – истинное чудо, угодное Создателю. Магия железа и драгоценных камней, а не безумные пляски под небом в развратной одежде, да болтовня с лесными тварями.

Канцлер даже сплюнул в отвращении. Женщина должна быть чиста телом и скромна помыслами! Ее предназначение – рожать детей и вести хозяйство, а лишняя дурь... что ж, ее можно выгнать розгами или на худой конец крепким тумачом.

Дверь разошлась в стороны. Жадная пасть коридора освещалась лишь чадящими факелами, а проход был столь узок, что двое мужчин едва ли могли разминуться.

– Пощады! – глухо донеслось из первой же камеры. – Именем Создателя, пощады...

Хм, палач оставил Счастливику язык? Очень интересно... Ведь именно языком этот негодяй зарабатывал себе на жизнь – очернял власть и торгуя тайнами. Его стараниями на северной окраине Австарики вспыхнул мятеж. Который, прочем, захлебнулся кровью. Даже ведьмы не сумели помешать Ордену... Там-то и была схвачена его сегодняшняя цель – единственная дочь главы Болотного Ковена. Жаль, сама мать не далась живой... Выжгла себя, истратив последние силы, только все зря – его воины были хорошо защищены оберегами.

Сквозь решетки к нему тянулись изломанные и лишённые ногтей пальцы. Жалобные стоны вперемешку с яростной бранью сыпались со всех сторон.

Но сердце Железного Герцога давно превратилось в кусок гранита. Грязь под ногами не стоила жалости. А завтра он сведет еще одно пятно с изъеденного пороками лица своей страны.

Двери центральной камеры встретили его тишиной. Из маленького оконца не доносилось ни звука, но безмолвие бывает обманчиво. Очень обманчиво...

Вильгельм хорошенько оглядел и петли и само полотно. Железо выковано под благословением самого Епископа, дерево – белый дуб, отметивший триста тридцать три года, но венец всему – запирающее устройство. Проектировка заняла целый год, и еще год механизм напиывался силой рода де Грейстор. Тонка, воистину ювелирная работа, что требовала сосредоточенности. Это не песни орать и трясти лохмами над костром.

Магия рода откликнулась на прикосновение кольца. Признала хозяина, услужливо открывая дверь в темницу ведьмы. Только главный надзиратель, да еще король могли зайти сюда.

Под высоким потолком едва тлел тусклый светильник, а на охапке соломы, скованная и обездвиженная зельем, скрутилась обнаженная ведьма. Некогда чистая кожа пестрела синяками и кровавыми разводами. От правой руки осталась перемотанный тряпкой огрызок, на остриженной голове светлели проплешины, а последний уцелевший глаз неподвижно смотрел в стену.

Де Грейстор брезгливо пошевелил девчонку кончиком начищенного сапога, но та даже не дрогнула. Палач докладывал, что лично всадил в ведьму целый пузырек зелья, оставив возможность лишь говорить, да мочиться под себя.

– Не надоело упрячиться, Юн-но-на? – усмехнулся, присаживаясь на корточки. – Покайся и...

– Провались к демонам, – прошипела девка.

Из беззубого рта потекла струйка крови.

– Хм, ну демонов ты точно увидишь, заодно со своей маменькой, – согласился герцог. – Завтра, после заката. Но если покаешься...

Сильнейший толчок в грудь выбил из легких воздух. Спина встретилась с грязным полом, и звон цепей рассыпался по камере злобным хохотом. На горле сжались тонкие пальцы, мешая вскрикнуть, и взгляд единственного глаза впился в лицо изумрудным крюком.

– Будь ты проклят! – взвизгнула ведьма, брызгая кровавой слюной. – Будь ты проклят, Вильгельм де Грейстор и весь твой род до последнего колена! Да услышит меня Всемогущая Прародительница: пусть ни одна женщина не родит от вашего гнилого семени живого ребенка! Весь твой род сдохнет, а я... я буду смотреть на это и смеяться! Мертвая, но все равно живая! Только боль камня выжжет мое проклятье! Только горькая пустота и мученье во сто крат большее, чем мое... Ай!

Скинув дурман столбняка, он одной рукой смел ведьму в сторону и вскочил на ноги. А на шее все еще чувствовались ледяные пальцы. И проклятье звенело в ушах, проникая под кожу черными иглами.

– Гадина! – пнул распластавшуюся на полу ведьму. Хруст сломанных ребер прозвучал райской музыкой. – Даю тебе минуту...

– Сдохни, тварь, – простонала девка. – Сдохни...

Схватив ведьму за остатки волос, герцог сам поволок ее в пыточную. Несколько часов прошли в отчаянных попытках заставить девку снять или хотя бы смягчить проклятье, но он – Вильгельм де Грейстор – не добился ничего! Демонова ведьма просто молчала! Ее не разговорил ни дыба, ни раскаленные клещи. А проклятье медленно впивалось в кровь. Он чувствовал, как по венам бежит липкая отравка, заменяя лютым холодом тепло родовой магии.

Рука занемела, устав махать плеткой, пот застилал глаза, а вокруг густо пахло кровью. Отчаянье нарастало снежной лавиной и он чуть не опустил до обещаний избавиться от костра, но Создатель не оставил своего несчастного сына.

Первая волна паники схлынула, и в голове прояснилось. Оставив бессознательную ведьму на руках палача, герцог де Грейстор поспешил в королевский дворец. У него еще есть время! Ведьме никогда не обойти главу священного ордена. Уж это Вильгельм мог гарантировать!

(Несколько сотен лет спустя)

«Треск пламени не мог заглушить хохота последней из болотных ведьм. Столб огня взвился к самым небесам, но каждый из толпы мог поклясться – грешная девка до последнего оставалась жива, и все смотрела и смотрела на своего палача – герцога Вильгельма де Грейстора...»

Бекки прикрыла глаза, мысленно охватывая всю картину целиком. Вот тут столб – крепкое бревно из ствола белого дуба – символа мужской власти, а руки грешницы скованны железными цепями из благословенной Епископом стали. Лишь светлые звенья останутся на пепелище, среди серого праха зеленоглазой ведьмы. Все болотницы отличались ярко-изумрудным цветом глаз и темно-рыжими, будто стоялая вода, волосами... так говорили книги. И огонь, да. Гибкие языки пламени, рвущиеся к самым небесам. А под ним черный росчерк обугленного тела среди прутьев огненной темницы.

Кисточка в руках мелко дрожала.

– Дальше, – прошептала служанке, но та вдруг хлопнула книгой. Да так, что кованый ремешок лязгнул о замочек.

– Нет, госпожа! Не дело это! Хватит глупостями заниматься, шли бы Вы лучше в постель.

– Дальше... – на полуслове голос сорвался на шепот.

В последний месяц было совсем худо. Слабость становилась с каждым днем злее, и волосы начали впадать. Сегодня на гребне остался такой клочок... Ребекка чуть не расплакалась, увидев белые пряди, свисавшие между зубьев ломкими лентами. Хельга тихонько охала и обещала сама сварить настойку, укрепляющую корни.

– А этот доктор – шарлатан! Клянусь Создателем – шарлатан! – кипятилась добрая служанка.

– Он служит нашему роду уже несколько десятков лет, – возражала Бекки, но нянюшка и слушать ничего не хотела. Подсовывала чашку со своими отварами, но где женщине тягаться в зельеварстве с лекарем? Алхимия – сложная наука, и к ней допускались лишь мужчины. Как, впрочем, и к большинству других.

– Служит, да из рук вон плохо, – ворчала на это Хельга, – батюшку вашего не уберег, прости Создатель. Ах, славный добрый лорд...

Бекки молчала. Она тоже любила отца, и очень надеялась на скорую встречу. Немного осталось. Вот только бы картину закончить.

– Хельга, – позвала служанку. – Почитай еще...

Но нянюшка решительно встала с кресла и швырнула пухлый летописный том на столешницу.

– Дурная книга! Дурная картина! – воскликнула, обтирая руки о передник, будто испачкавшись. – Ишь, чего удумали – такой ужас написать! Вам гулять надо, спать больше, питаться хорошо! Травы эти лекарские, да сгорит старый дурень в Преисподней, пить... А вы все туда же! Хоть бы за другое взялись! Чем худо благостный лик Создателя написать? Уж он-то, узрев Ваш чудный дар, постыдился забирать раньше срока.

Карие глаза служанки грозно сверкали, а пальцы мяли передник так, словно хотели разорвать на части. Хельга бойко выхаживала у витражных окон мастерской и тараторила без остановки.

У Бекки не было сил спорить. Солнце еще не вошло в зенит, а уже хотелось прилечь. Но картина... Больше недели мысли о новом полотне будоражили кровь. Как приснилась зеленоглазая болотная ведьма напротив своего палача, так и остались в голове цепким репейником.

– ... Где это видано – Железного Герцога рисовать? Что за блажь такая. Проклят их род, помяните мое слово. Точно проклят...

Глупости. Вильгельм де Грейстор, конечно, вошел в историю как самый жестокий и кровавый гонитель ведьм, но никто его не проклинал. Род герцога до сих пор здоровствует и богатеет. А прямой потомок – его прозвали Каменным Герцогом – и тезка своего пращура на «ты» с королем. Ну, а что до картины... вряд ли полотна Ребекки фон Арнет украсят королевскую галерею. Скорее всего, мачеха просто выкинет «мазню» на скотный двор, под ноги свиньям, а сестры ей охотно помогут.

Бекки вновь взглянула на картину. Первые языки пламени уже лизали сложенный горой хворост. Девушку звали Юнона... Страницы книг сохранили имя нечестивицы и длинный список грехов, от разврата до идолопоклонничества, но отчего так жаль молодую жизнь?

Дверь мастерской скрипнула, обрывая мысли.

– Госпожа фон Арнет зовет юную мисс отобедать, – зло прокаркал дворецкий.

Даже Хельга замолкла, удивленно приподнимая брови. Бекки и вовсе лишилась дара речи. Отобедать? Да этого уж года два как не бывало, и хвала Создателю.

– Что ты мелешь, пиявка напомаженная! – первая опомнилась Хельга. – Доктор говорил...

– Велено передать! – рявкнул мужчина. – У нас гости!

Тут уже и Бекки не выдержала.

– Гости?! Какие гости?

– Герцог де Грейстор, – небрежно бросил дворецкий и хлопнул дверью.

Кисточка выпала из рук и покатила по плитам, пачкая серый камень алым.

– Дурная картина, – прошептала Хельга, хватаясь за сердце. – Ох, дурная...

Глава 1

Все еще хуже, чем он представлял изначально! Улыбка вышла натянутой, но Вильгельм заставил себя поцеловать костистую лапку. Девчонка смотрела на него потемневшими от удивления и страха глазами. Тошная, бледная... Серое платье некрасиво оттеняло жухлую кожу, светлые волосы заплетены в жидкую косицу, обнажая безобразно-худое лицо с абсолютно негармоничными чертами. Сухие губы, широкая переносица, белесые брови и темные глаза неприятного мутного оттенка. Больше всего Ребекка фон Арнет напоминала бледную летучую мышь крайней степени истощения. Какой нормальный мужчина сможет лечь с такой "красавицей"? Вильгельм знал ответ...

– Приятно познакомится, юная леди, – с превеликой радостью отпустил ледяные пальцы. Девчонка тут же спрятала руку. А на губах ни тени улыбки, не то, что у ее сестер – те скалились во всю пасть.

– Взаимно, герцог де Грейстор.

Ее голос был под стать внешности. Больной и шелестящий, будто истлевший от плесени пергамент.

– Такая честь для нас! – опять открыла рот вдова фон Арнет. Дородная, не в пример своей падчерице, женщина прямо-таки сияла, начиная от роскошного рубинового кольца, заканчивая хищным оскалом. – Прошу в гостиную, наш обед скромненький, конечно...

Кокетливо склонила голову, демонстрируя еще и богатые серьги.

– ...но? смею надеяться, Вы не слишком строго осудите нехитрую стиральную доску доброй Грети.

Нехитрая, как же... Наверняка кухарку прижали вилами к стене, обещая все муки Преисподней, если она не переплюнет королевских поваров. Но Вильгельма не интересовало содержимое тарелки, так же как и две разодетые в павлиньи перья курицы, игравшие перед ним прожжённых скромниц. Он ехал сюда с определенной целью, но результат... О, демоны! Паршивый до крайности!

Большая зала встретила их пряными ароматами и сквозняками. Пыльные охотничьи трофеи украшали одну из стен, а между ними висели потемневшие гобелены. Очевидно, хозяйка спускала деньги на тряпки и драгоценности, не заботясь о жилище. Как мило... И перед этой дурой и ее дочурками он должен корчить любезность! Но как ни крути, стоило убедиться лично. Ошибиться с выбором невесты недопустимо.

– Присаживайтесь, дорогой герцог, – ворковала вдова, колыхаясь малиновым пудингом, – сейчас принесут первое блюдо. Вы, должно быть, голодны с дороги...

Пяти минут не прошло, а пустой треп поперек горла. Раньше надо было с этим покончить, но демоновы приличия требовали полного соблюдения. И так последнее время ползает много слухов. Незачем их кормить фактами.

– Благодарю, леди фон Арнет, – бросил небрежно. – Постараюсь сильно не досаждать. Как только лошадей перекуют, моя дорога продолжится.

На лицах дочурок отразилась скорбь всех ангелов Создателя. Бедняжки так старались. Рядились в лучшие платья и цепляли на себя ларец драгоценностей. Кроме болезни Ребекки, разумеется. Кроме витиеватого кулона на тонкой серебряной цепочке, девчонку украшало разве что молчание и попытка изобразить статую. Видимо, покорность у нее в крови. Тем лучше.

– Ах, герцог, к чему такая торопливость? – зашебетала вдова. – Я могла бы показать вам замок.

Или своих дочерей. Глазом моргни, и заботливая маменька с радостью подложит свою кровиночку под важного гостя.

Нет уж, ему хватит предстоящего разговора с Лидией, которая наверняка закатит скандал.

Вильгельм не мог сдержать хмыканья. После битья посуды демонеса в юбке наверняка устроит жаркую ночку, обозначая свое место рядом с ним. Напрасно! Его вряд ли кто-то сможет оспорить. Иначе бы он – Вильгельм де Грейстор – не сидел сейчас тут.

– Благодарю, миссис фон Арнет. Время поджигает, но я обязательно еще раз навещу ваш замок.

С браслетом и требованием руки и сердца... Но о последнем герцог пока предпочел умолчать.

Звон вилки неприятно резанул по ушам. Тощая девчонка испуганно глянула на него, будто сумела прочесть мысли, и в полумраке ее глаза показались Вильгельму абсолютно черными.

– Простите, – зашелестела едва слышно. – Матушка, мне нехорошо, можно...

– Ах, да иди уже! – скривилась леди, но, спохватившись, добавила: – Милая.

Белесые бровки Ребекки удивленно дрогнули. Встав из-за стола, девушка неловко поклонилась и серой тенью исчезла в арке прохода.

– Прошу простить Бекки, – вякнула одна из дочурок. Кларисса или Мелисса – он не запомнил. – Моя бедная сестренка тяжело больна.

Да, он знал. В этом и состояла цель визита.

– Вот как... Чем, позвольте спросить?

Вдова зло покосилась на Мелиссу-Клариссу, но пустилась в объяснения, которые ему и даром были не нужны. Даже смертельная болезнь отступит перед магией брачных браслетов де Грейсторов.

Глава 2

Это сон... Страшный и ненормальный в своей реальности.

Шелест свадебного платья в тишине мерещился грохотом каменной лавины. А драгоценный венец царапал зубьями так сильно, что голова наверняка в крови. И холодно... О, Создатель, как же холодно! Не спасала ни меховая мантилья, ни ворох драгоценного шелка, в который бережно упаковали болезную невесту герцога.

Де Грейсторам не отказывают...

Об этом шипела разозленная до алых щек мачеха, когда герцог вновь явился в их замок. Как хозяин проследовал в кабинет отца и там высказал цель визита. Когда Бекки услышала... Она не поверила. Никто не поверил, даже сам Создатель. Вильгельм де Грейстор намерен жениться... И на ком! На истощенном болезнью полутрупце, которому осталось в лучшем случае год.

Молчание, повисшее в кабинете, было таким же густым, как сейчас, в церкви. Только злых взглядов на порядок меньше – всего три. Но Бекки смотрела лишь на застывшего темным пятном герцога, снова и снова пытаясь наскрести сил на достойный ответ.

Ни за что!

Пусть забирает Маргарет или Клэрис! Да хоть двоих сразу – Бекки была уверена, мачеха пойдет и на это... Но ее? Ответить не успела. Гиневьева фон Арнет клещами схватила ее запястье и, улыбнувшись герцогу, выволокла из комнаты.

Вот тогда-то язык отлип от неба, и Бекки впервые попросила мачеху о помощи. Выпала на одном дыхании, надеясь, что та выслушает о ее несогласии с радостью. Уже не раз охочие до приданного женихи обивали порог замка в надежде, что им удастся пожить приданным, а потом благополучно овдоветь. Но...

– Де Грейсторам не отказывают! – ядовитой змеей зашипела мачеха. – Он выбрал тебя! И ты согласишься! Маленькая дрянь...

Проклятья сыпались гуще осеннего ливня. Мачеха сжимала кулаки так, что рубиновые кольца впивались в плоть, но ударить не смела. Теперь несчастной вдове фон Арнет придется урвать кусок у своих милых крошек, и выдать за ненавистной падчерицей нормальное приданное. Не меньше половины Роши Создателя, где прижился редкий белый дуб. Ведь именно поэтому герцог обратил взор своих черных глаз на убогую сироту.

«Не отказывают... Герцогу не отказывают!» – хохотал и шипел злобный голос мачехи.

Взгляд метался по рядам гостей испуганной птицей, каждый раз запинаясь о темный росчерк мужского камзола. Жених подстерегал у алтаря.

Еще в первый раз, когда герцог вошел под своды замка, Бекки не почувствовала ничего, кроме страха. Оказывается, красота тоже могла испугать... О, недаром шептались, что в жилах де Грейсторов течет кровь черных драконов. И пусть их существование – всего лишь легенда, но, глядя на хищные черты лица, Бекки готова была верить каждой букве. Герцог напоминал кусок гранита, в котором бушевало адское пламя. Антрацитовые глаза, орлиный профиль, смуглая кожа и смоляные волосы... Потомок рода блюстителей святости собрал в себе множество оттенков Тьмы.

Его образ угнетал, а крепость фигуры пугала... И пусть на тонких губах застыла вежливая улыбка, но Бекки мерещилось, что вместо мужчины перед ней самый настоящий дракон. Вот сейчас он расправит огромные крылья и выдохнет струю пламени, испепеляя все вокруг...

Локоть больно сжали, и Бекки едва не запуталась в пышных юбках. Ядовитой злостью, исходившее от матушки, можно было отравить всех гостей в церкви и ни по одному разу.

О, Создатель! Неужели этот день все-таки настал? А ведь еще две недели назад Ребекка фон Арнет мыслила только о том, как бы написать последнюю картину.

– Не вздумай меня опозорить, маленькая... Бекки, – процедила мачеха. – Улыбнись жениху.

Губы послушно дрогнули, но не больше. Улыбаются когда на сердце легко, а это... Это фарс! Спектакль для окружающих и траур для нее.

До алтаря оставалось всего ничего, когда одна из гостей – незнакомая леди с волосами цвета сочного каштана – резко обернулась. Алый рот искривился, и беззвучное слово ударило сильнее пощечины:

«Дрянь», – прошептали пухлые губы.

Бекки крупно вздрогнула. И последняя дура поняла бы, что перед ней одна из почитательниц герцога. Да еще знатного сословия – место в первых рядах. С трудом оторвав взгляд от бархатного лица красавицы, девушка посмотрела на застывшего жениха.

Тьма свадебного камзола разбавлялась лишь белым шейным платком и золотом чищенных до блеска пуговиц. Широкие плечи казались напряженными до такой степени, что еще немного – и шелк пойдет по шву, но черты лица оставались каменно-спокойными. Ни малейших эмоций, только широкие брови будто чуть нахмурены.

Еще бы! Невеста больше напоминает живой скелетик. Как только было объявлено о помолвке, последние крохи аппетита пропали, а по утрам открылась рвота. Даже зелья лекаря не помогали...

Три ступени вверх – как три ступени на плаху. По правде, Бекки предпочла бы топор палача – такая смерть во сто крат милосерднее.

Священник – отец Эдмунд – беспокойно хмурился и пытливо заглядывал в глаза. Он всегда был добр к Бекки и часто гостил в замке, когда еще их семья была полной и счастливой. Совсем маленькой она устраивалась рядом с самим олицетворением добродушия и хвастала новыми рисунками. Старик ласково трепал ее по волосам и терпеливо выслушивал детский лепет.

– Дитя мое, – протянул руку, забирая ее от матушки. Бекки вздохнула – на малую толику стало легче.

– Отец Эдмунд, – склонила голову.

Вчера священник сам явился в замок, хотя и не обязан. Спрашивал, ее ли это воля – идти под венец, и Бекки со стыдом вынуждена была солгать. Потому что де Грейсторам не отказывают. А еще одного священника легко заменить другим. Навсегда.

– Начнем же церемонию, – медленно, словно давая последний шанс одуматься, произнес отец Эдмунд.

Бекки покорно, как подобает добродетельной невесте, опустила глаза. Вместе с болезнью пришло смирение. Если бы рядом была настоящая семья... Лорд фон Арнет не допустил бы этого брака, пусть и любил вторую жену – Гиневьеву – без памяти.

– ...обещает ли невеста блюсти верность мужу, почитать его и заботиться о нем в болезни и здравии...

Слова брачной клятвы впивались под сердце крохотными хрустальными иголочками.

Верность... Она думать боялась о грядущей ночи! Не могла представить себя один на один с герцогом в комнате, а тем более в постели. Так страшно и... неправильно! Только не с ним.

– Дитя? – озабоченно прошептал священник.

В загустевшей тишине церкви его шепот звучал громче крика. И ей тоже хотелось кричать! Скинуть с себя и дорогую меховую мантилью – подарок жениха, и ужасный венец, швырнуть их в лицо да хоть бы той персиковой красавице, и сбежать в свою комнату. А лучше – вон из замка, где пять лет темные стены и змеи в драгоценностях тянут из нее жизнь.

– Да, – выдавила из себя, гипнотизируя лежавшие на кроваво-атласной подушечке браслеты из темного серебра.

Широкие, но не массивные, и лозы будто переплелись между собой, придерживая по три драгоценных камня. Тоже черные.

Речь священника вновь зазвучала под белоснежными арками церкви. Сквозь витражи лился тихий утренний свет, но ей казалось, что стоит шагнуть за порог – и на плечи неподъемной тяжестью обрушится ночь.

Коленки начинали слабеть. Холод сменился жаром, и серая муть потихоньку застилала глаза. Сердце тяжело отсчитывало удары в такт словам клятвы. Бекки даже не вслушивалась – они не имели ровно никакого значения. Создатель где-то там, высоко над ними, а герцог... Герцог слишком близко.

– Да, – припечатало сверху могильной плитой, и время вокруг замерло.

Запястье сжали обжигающе горячие пальцы, защелкивая кандалы браслета. Лозы серебра пришли в движение, сжимаясь и подстраиваясь под нужный размер. По драгоценным камням пробежала искра, и чернота изменила оттенок, добавляя в густой мрак капельку синевы.

Каменеющими пальцами Бекки взялась за второй браслет. Надо... Маленькая трудность перед вечным покоем, а приданного не жаль. Пусть лучше герцог владеет частью Роши. Может, от нее хоть что-нибудь останется... Отец так ухаживал за деревьями.

Пальцы на секунду прикоснулись к шелковому манжету камзола, и Бекки торопливо щелкнула замком. Камни на браслете герцога засияли тремя огненными сгустками.

Возможно, она бы восхитилась магией рода де Грейсторгов, но фраза: «скрепите ваш брак поцелуем» выбила последнюю опору из-под ног.

Подбородок подкинуло вверх, и по губам мазнуло горячее дыхание. Прикосновение было жестким и сухим. Так покойников не целуют... Жидкие аплодисменты наполнили церковь и тут же смолкли, а герцог, подхватив ее под локоть повел в сторону выхода.

Сделка состоялась.

Глава 3

– Не спорь с мужем, не показывай недовольства, терпи...

Гиневьева фон Арнет цедила слова сквозь зубы, а Бекки разглядывала дымившуюся на столике чашку с отваром. Такой предлагают каждой новобрачной. Кто-то соглашается, а кто-то нет... Но ей бы еще порцию. Чтобы просто уснуть. Спрятаться от самой жуткой части кошмара в сновидениях, а на утро притвориться, что боль между ног и алые пятна на простыне – это просто случайность.

Как же так? Красивый мужчина не должен вызывать отторжения. Любая девушка обрадовалась бы такому мужу... Бекки точно знала, что тяга к противоположному полу ей не чужда. Старший сын лорда Джонатана стал ее первой любовью.

Обаятельная улыбка Альберта кружила голову, а за нежный взгляд прозрачно-зеленых глаз маленькая Бекки готова была отдать лучшие рисунки. Отец в шутку называл их женихом и невестой, и юноша не спешил возражать. Он каждый раз являлся в их замок с цветами или конфетами, а еще сколько угодно раскачивал ее на качелях саду, не пытаясь улизнуть от этого скучного для подростка занятия. Однажды девочка услышала, как родители толкуют насчет объединения земель, называют союз удачным... Ах, как это было чудесно! От одной мысли, что высокий, похожий на сказочного эльфа юноша станет ее мужем, щеки горели румянцем, а внутри становилось так сладко и горячо...

– Да слушай же меня! – Гиневьева с силой дернула за распущенные волосы, и в мясистых пальцах остался клочок.

Женщина подавилась ругательством. Вскочила на ноги и подбежала к пылавшему камину. Жадное пламя мигом сожрало белесые паутинки. На мгновение желтые языки превратились в ядовито-зеленые, но Бекки не успела и рта раскрыть.

– Сама разберешься, – выплюнула Гиневьева. – Твое дело – держать ноги раздвинутыми, а рот закрытым.

Подобрав богатые юбки, вышла прочь, а Бекки вздохнула с облегчением. Теперь можно выпить отвар дурмана. Но сначала надеть отвратительную ночную рубашку. Ее покажут гостям как доказательство того, что невеста сохранила целомудрие.

Медленно поднявшись с кресла, девушка по кругу, как опасное животное, обошла кровать. Это не ее комната. Одна из многочисленных в замке, прибранная от пыли и готовая к приему гостей, которых оказалось не так чтобы много.

За две недели торжество не организуешь, но герцог спешил. Почему? Она не знала и знать не хотела. Все происходило будто не с ней. За что Создатель послал еще и замужество? Будто мало довелось испытать горя...

Пытаясь отвлечься, Бекки взглянула на висевшую над камином картину. Босоногая девушка бежала по тропинке, вившейся около цветущих яблонь, а следом неслась гроза. Черная, беспощадная... Ветер трепал белокурые пряди крестьянки, а платье липло к телу, любовно обрисовывая каждый изгиб.

Но девушке было весело. Бекки нарочно изобразила и лукавый блеск синих глаз, и легкую полуулыбку. Впереди крестьянку ждал дом. Крепкие стены и надежная крыша, а еще чашка горячего молока. Кажется, в детстве Бекки тоже любила молоко. И булочки с корицей.

С трудом оторвавшись от картины, она все же заставила себя подойти к расстеленной на кровати рубашке. Тонкий шелк выглядел едва ли лучше сплетенного из терновника рубища. Говорят, в такие наряды одевали ведьм перед костром...

Пальцы нервно дернули завязки на горловине платья. Как же не хватало Хельги! Но служанку не допустили к госпоже. Мачеха постаралась испоганить все, что можно.

Кое-как справившись с атласом и шелком, Бекки натянула на себя рубашку и поежилась – будто изо льда сделана! Отвратительный разрез топорщился, а горловина соскальзывала на плечо. Прихватив ткань рукой, Бекки заторопилась к столу. Хоть бы отвар подействовал во всю силу! Надо просто заснуть, и тогда все будет хорошо...

Язык обожгло едкой горечью, но Бекки не подумала выплюнуть жидкость обратно. Выпила все до капли, не обращая внимания на тошноту. Голова закружилась. Краски стали невыносимо яркими, и будто каждая сама по себе.

Опасаясь упасть тут же, на ковер, Бекки метнулась к постели. Но несколько шагов превратились вдруг в длинную и утомительную дорогу. Едва успев вцепиться холодеющими пальцами в бортик, она из последних сил взобралась на ложе и неловко упала на бок. Мышцы одеревенели, а грудь сдавило шипастыми цепями.

О, Создатель, разве так быть должно? И почему головокружение вдруг исчезло, оставляя после себя невероятно острую чувствительность? Бекки чувствовала каждую складочку одеяла так, словно они были сделаны из камня. А шелк брачной рубашки превратился в жесткое рубище. Казалось, острые волокна царапали кожу до крови.

Отчаянье всколыхнулось в груди черной мутью. Наплевав на все наставления, Бекки попыталась позвать на помощь, но язык не шелохнулся. Она попросту онемела!

Паника застучала в висках огненными молоточками. Что ей такое влили?! Истерика пухла с каждым ударом сердца, но тело оставалось неподвижным. Бекки чувствовала себя вырезанной из мрамора статуей! Рассудок бился о клетку плоти, но никак не мог ее сломать. Невозможно шевельнуться, и даже взгляд застыл!

А потом пришел муж...

Нижнюю губу слегка пощипывало. Демонеса в бархатно-зеленом платье цапнула так, что до сих пор во рту легкий привкус крови.

– Ты мой, – шипела, прижимаясь к нему всем телом. – Мой, слышишь?

Вильгельм невольно улыбнулся. Впервые Лидия открыто показывала ревность, хотя знала – этот брак всего лишь необходимость.

Девушка фон Арнет в любом случае отдаст Создателю душу, так пусть же ее жертва не будет напрасной. Король, разумеется, одобрил его выбор. Кто угодно – лишь бы наследник был. Вильгельм поморщился, вспоминая тощую и перепуганную церемонией невесту. С последней их встречи девчонка подурнела еще больше и, кажется, дышала с трудом. Ковыляла к алтарю под ручку с мачехой, а Вильгельм едва сдерживался, чтобы не послать всех и вся к демонам.

С самого детства знал, что именно ему предстоит справляться с родовым проклятьем, но смириться не хотел. И уж тем более затащить в постель тощую страхолюдину.

Пальцы так и сжимались в кулаки. Он просто зайдет в комнату, возьмет девчонку и выйдет. Но перед этим затушит камин и все лампы. Такая «красота» отобьет охоту у любого нормального мужчины. Жаль, что брачную ночь надо провести от и до. Иначе магия родовых браслетов не начнет действовать, а ему просто необходимо, чтобы тощее тельце фон Арнет смогло выносить первенца.

И все же перед дверью нужной комнаты Вильгельм замедлился. Так и подмывало повернуть назад, к по-настоящему желанной женщине.

Лидия дерзко нарушила приказ оставаться в столице и примчалась на свадьбу. Роскошная и яркая, она приковывала мужские взгляды, но сама смотрела лишь на него.

Чертово проклятье рода! И надо было сумасшедшему прашуру жечь ту ведьму?! Теперь сад замка де Грейсторов украшен каменными статуями, а общество до сих пор судачит о произошедшем без малого четыреста лет назад. Идиот-родственник только и сумел, что немного подправить магические плетения.

Вильгельм с силой провел рукой по лицу, стирая неприятные воспоминания. Хватит. Де Грейсторы будут жить. А то, что за дверью – еще одно испытание, и только.

Толкнув дверь, мужчина стремительно вошел в комнату. На периферии зрения маячило хилое тельце на краю огромной постели, но смотреть на новоиспеченную женушку не было желания.

Магические лампы послушно выключились, повинувшись щелчку пальцев, а вот камин надо притушить.. На кой демон его вообще разожгли? Еще и картину навесили... Хм...

Вильгельм придирчиво осмотрел огромное полотно. Деревенская девушка бежала по тропинке между цветущих яблонь, а следом надвигалась черная гроза. Белые лепестки сыпались под ноги крестьянки, ветер рвал платье, но ее глаза блестели весельем. Надо же! Хотя что-то стоящее в этой комнате. Наверняка куплено в столице у одного из именитых художников. Казалось, что женщина сейчас выпрыгнет из картины и пронесется мимо, обдавая запахом цветущего сада. От полотна так и веяло тонкими ароматами свежести и спелых яблок... Его любимого фрукта.

Поганое настроение слегка улучшилось. Еще раз оглядев легконогую деву, Вильгельм подхватил заслонку и накрыл камин. Комната погрузилась в плотный мрак. Вот так гораздо лучше!

Пальцы пробежались по пуговицам, и камзол полетел в кресло, туда же отправился шейный платок. Нет смысла раздеваться полностью – оставаться Вильгельм не хотел, да и незачем.

– Вы готовы, леди?

Девушка молчала. Что ж, значит, отвар подействовал, и мыслями тощая фон Арнет где угодно, но не в этой комнате.

Скинув сапоги, Вильгельм подошел к кровати и перебрал девчонку – даже сейчас он не мог назвать ее женой – подальше от края. Притушить свет было отличной идеей! На ощупь девушка напоминала скрученную из тряпья куклу. Безвольная и легкая.

Герцог выдохнул, призывая на помощь все свое воображение. Перед ним Лидия. Опьяненная сладким вином и утомленная ночью близости. Роскошная женщина с шикарной грудью и покатыми бедрами. Широкая волна локонов струится по подушкам темным водопадом, а орехово-карие глаза блестят страстью.

В пах толкнулась горячая волна, наполняя плоть желанием. Картинки близости сменяли одна другую, и Вильгельм рывком устроился между ног девчонки. Пальцы расправили шелковую ткань, открывая доступ к девственной плоти. Пора с этим заканчивать! И герцог толкнулся вперед.

Слезы текли одним бесконечным потоком. Внутри все кричало, выло и билось в насадной агонии, но горло свело спазмом, а тело по-прежнему оставалось каменным. Боль была повсюду. Она взрывалась перед глазами снопом огненных искр и разрывала на части саму душу. Каждый вдох – пытка, ощущение себя – хуже ощущения грязи.

Лучше бы ее убили! Разорвали на дыбе, разрубили на куски, и это было бы в сотню, тысячу раз милосерднее!

Бекки пыталась не думать. Усилив воли потерять сознание, но проклятый отвар держал рассудок ясным. Растягивал каждую секунду в невыносимо долгий кошмар, наполненный тьмой и мучительно острыми ударами сердца.

Мольба, чтобы это поскорее закончилось, тонула в мысленном крике о помощи. Она не выдержит больше, просто не сумеет! Сойдет с ума и, как только обретет власть над собой – выбросится из окна!

Как же низко! Гадко! Стыдно!

Мужчина давно ушел, забрав с собой только брачную рубашку, как доказательство исполненного долга, но тело равно пульсировало болью. Она резала на части, кипела внутри едкой

жижей, и каждый кусок тела мерещился испоганенным. Вываленным в грязи и втоптаным в землю.

– Лекарь вас осмотрит, – эхом отдавали в ушах брошенные на прощание слова.

Они звучали издевкой! Но действие дурмана не вечно... о, да, совсем не вечно! И окно близко... Спасительная мысль о смерти дала малую толику сил. Плевать, что де Грейсторам не отказывают! На все плевать...

В какой-то момент дверь хлопнула, оставляя ее в полной темноте. Раз за разом Бекки пробовала одолеть действие пошла, что звалось дурманом, но ничего не получалось.

И лекарь все же пришел. Проскользнул в темную комнату, шурша своим балахоном и позвякивая сумкой.

Лампы вспыхнули.

– Го-госпожа? Вы позволите? – просипел испуганно и слабо.

Язык не шелохнулся. Она так и лежала на кровати. Смятая, с раздвинутыми ногами и застывшим взглядом.

Лекарь что-то забормотал. Звон стекла и тихие причитания били по ушам, а кожа все еще леденела от ощущения близости герцога. Бекки не могла назвать его мужем. Он. Ей. Не. Муж!

– Вот, выпейте немного... Ох, Создатель... Как же так... Глупец, трус...

В зубы стукнуло стекло. Опять зелья... Лучше бы яд!

Но вместо горечи на этот раз по языку скатилась легкая кислинка. Онемение начало отступать. Бекки тихо всхлипнула и посмотрела на суетившегося лекаря.

– Вам нельзя вставать, – бормотал, вытирая бедра чем-то мягким. – Простите меня, я сейчас, немножко потерпите... Создатель, прости... Жалкий грешник...

Речь старика становилась все путаней. Он то костерил герцога, то принимался извиняться перед Создателем и бормотать молитву.

Но Бекки сейчас просто не могла и не хотела ни о чем спрашивать. Каменные тиски треснули, даруя долгожданную свободу. Животный скулеж оцарапал горло, и девушка скрутилась в клубок, из последних сил стискивая бедра.

– Еще один глоток! – переполошился лекарь. – Прошу, умоляю... добрая леди...

Но зубы впились в губу, и разжать их Бекки не могла. Или не хотела.

– Вы уснете. Станет легче!

Нет! Никакого сна! Только окно... Высоты достаточно, а внизу твердые и острые камни. Но злой старик крепко зажал ей нос, и против воли рот раскрылся за новым вдохом. Вместе с воздухом в горло ринулась еще одна порция зелья. Бекки очень хотела выплюнуть. Оттолкнуть слабого лекаря в сторону и броситься прочь, но силы на сопротивление исчезли. А спустя мгновение сверху рухнула тьма.

– Все было настолько прекрасно, что ты решил игнорировать меня, Виг?!

Когда Лидия злилась, ее мурлыкающий голосок превращалось в визг базарной бабы. Неплохо было бы заткнуть любовницу поцелуем, а лучше прижать к стенке и взять так, чтобы говорить потом не могла, но Вильгельм сосредоточенно рассматривал пляску языков пламени на хрустальных гранях бокала.

– Виг!

Взметнув юбками, Лидия встала между ним и камином. Высокая грудь рвала плен корсета, волосы растрепаны, а в глазах огонь в сотню раз горячее, чем пылавший за ее спиной.

– Хочешь оказаться на ее месте? – процедил сквозь зубы.

Их связи было уже много лет, но наглости Вильгельм терпеть не мог. Женщина сразу сдулась.

– Ты мог хотя бы заглянуть ко мне, – произнесла уже тише. – Это... это больно!

Да кто бы говорил!

– Не ты ли так рьяно поддержала меня в затее отсрочить проклятье, м?
Красавица совершенно сникла. Огромные глаза заблестели слезами.

– Да, поддержала! А что оставалось делать?! Но не думай, что мне приятно...

– Никому не приятно, – отсек еще жестче.

Много радости кувыраться с одурманенной до бессознания девицей? Фон Арнет даже не шевелилась! Лежала как... как кусок камня!

Подобрав атласный подол, Лидия присела на ручку кресла. Изящная, как всегда.

– Позволь хотя бы немного скрасить дурную ночь, – мурлыкнула, протягивая руку к его бокалу.

Витой перстень блеснул россыпью изумрудов. Его подарок... А перед глазами вдруг мелькнули другие пальцы. Безжизненные, будто сухие веточки. Окаменевшие... Вильгельм нахмурился.

Воистину – дурная ночь. Гложет что-то под ребрами, а что – никак не разобрать. Сунув в руки любовницы бокал, Вильгельм поднялся и подошел к камину. Над ним тоже красовалось полотно. Интересно, где вдова фон Арнет нашла такого искусника? Раздвиг белоснежные паруса, по морю мчался корабль. Волны легко несли гордое судно, а на палубе виднелась фигурка капитана. Почему-то казалось – это женщина, пусть и в мужском платье. Но образ был слишком мал, к тому же художник уделил гораздо больше внимания переливам воды, будто нарочно отвлекая зрителя. Брызги пены так и сверкали на солнце, того и гляди море с шумом выплеснется через раму.

Вильгельм склонил голову, и волны заиграли новыми красками. Совсем как живые. Наверняка у художника есть Дар. Или его отец обладал силой... Все одаренные Создателем имели склонность к искусству.

За спиной послышалось недовольное шуршание юбок. С Лидии станется разбить бокал о стену, но женщина отлично знала, когда стоит с улыбкой прожевать и проглотить недовольство. Горячность крови уравновешивалась практичностью в суждениях.

– Ваш напиток, герцог, – погладила по плечу.

Один щелчок пальцами, и кремовое платье рухнет на пол, оставляя хозяйку в безумно дорогом белье. К демонам!

Отхлебнув приличный глоток, Вильгельм круто развернулся и запустил руку в роскошную гриву. Столкнув губы в жестком поцелуе, выпил его до дна, наслаждаясь живой отзывчивостью любовницы. Пока любовницы...

– Возвращайся к себе, Лидия, – так же резко оторвался от сладкого и готового не только на поцелуй рта. – У нас еще будет время.

Карие глаза потемнели от гнева, но, покорно склонив голову, женщина удалилась. А Вильгельм вновь подошел к камину. Нет, определенно, капитан – женщина.

Глава 4

– Госпожа моя, вставайте. Уже утро...

Нежное прикосновение к руке вышвырнуло Бекки из спасительного ничто безжалостным ударом. Воздух острым клинком прошил легкие, а из-под зажмуренных глаз брызнули слезы.

– Ну полно, полно, – заохала над ней нянюшка. – Ванна уже готова, чай ваш любимый, я и пирожков напекла... все как вы любите... Не плачьте только... Ох, без ножа режете.

Без ножа... Ей бы этот нож вчера! Вскрыла бы себе вены, не раздумывая!

От макушки до кончиков пальцев Бекки мерещилась себе грязной. Прошлая ночь въелась в кожу и мысли. Скрутила сердце ядовитыми лозами, запуская в кровь лютый страх. Страх перед собственным мужем.

– Он мне не муж, – простучала зубами. – Ненавижу...

Кажется, Хельга забормотала молитву. Но Бекки не хотела даже слышать обращение к Создателю. Дрожащей рукой скинула с себя одеяло, но вместо того чтобы броситься к окну, позволила нянюшке отвести себя в ванную.

– Доля такая женская, – бормотала та, ловко освобождая от сорочки.

Обычной – брачную забрал с собой герцог... От отвращения по коже пробежала липкая дрожь. Ей просто не хотелось думать о произошедшем, но не думать Бекки не могла. Она не переживет еще одной ночи...

Взгляд метнулся к окну, но внутри малодушно дрогнуло. Трусиха! Беспомощная размазня! Надо было покончить со всем этим еще вчера, но лекарь влил в нее какую-то дрянь. Если бы не сон, она бы наверняка решилась! А сейчас...

Нянюшка мягко подтолкнула ее к ванне. Бекки только зубы стиснула, когда горячая вода неприятно защипала между ног.

Мочалка мягко коснулась кожи, стирая неприятные ощущения онемения. Тонкий запах трав щекотал ноздри, но ни мята, ни валерьяна не могли заглушить тихой истерики.

Бекки вздрагивала и прикрывала глаза, но с ужасом понимала, что сейчас у нее просто не хватит сил распахнуть окно или перерезать вены. Глубоко внутри зародился протест. Тоненький, как паутинка... Откуда он взялся?!

На голову обрушился поток воды, и рефлекторно девушка закрыла ладонями лицо. Левое запястье непривычно тяжелое... Демонов брачный браслет! Его надо снять! А камни еще больше посинели... и черные лозы из серебра будто стали светлее по краям.

– Не старайтесь госпожа, не выйдет, – вздохнула Хельга, наблюдая за ее тщетными попытками освободить руку. – Де Грейсторы, гори они в преисподней, сильный род. И магия их сильна... От того король и держит своего советника ближе прочих. Пусть попыток занять престол не было, но ходят слухи, что ваш... Кхм, что герцог сильнее, чем законный монарх. Ему подвластен любой металл и драгоценные камни. Самоходная карета короля – его рук дело...

– Хватит, – скрипнула зубами Бекки, – мне все равно!

– Конечно, госпожа. Как скажете.

И Хельга протянула руку, чтобы помочь подняться. Но Бекки сама вскочила на ноги под удивленное оханье служанки.

Сквозь запах трав пробился влекущий аромат ягодных пирожков, и в животе заурчало.

– Кушать хотите! – радостно вздохнула служанка. – Это правильно. Хорошее дело... Пышки на славу удались, лучше быть не может...

Хельга отвлекала ее. Стрекотала сущие пустяки, а сама нет-нет, да и взглянет – как иголкой уколет. Но после ванны действительно полегчало. На малую толику, но Бекки хотя бы могла заставить себя дышать спокойнее.

Накинув халат, девушка проскользнула обратно в спальню. На кровать не смотрела – сосредоточилась на тарелочке с пирожками.

– Настойки вот выпейте, – служанка хлопотала пестрой наседкой, – сама заварила, все травы как для себя выбирала. Нужным днем, да ночью лунной... Не то что горькая лекарская дрянь.

Бекки так и вздрогнула. Брачная настойка тоже была горькой. До тошноты.

Наплевав на достойное поведение, девушка схватила пирожок и затолкала в рот почти половину. Ну и пусть ее вывернет! Хотя бы так перебьет воспоминание об этой гадости!

Рот наполнила сладость, и желудок сжался. Но вместо привкуса желчи в горло хлынула слюна. Бекки чуть не поперхнулась. Растерялась лишь на мгновение... Голод? Да она уже и забыла это чувство... Но тут же вцепилась в добычу, чуть не прокусив язык от жадности.

Хельга, кажется, не шевелилась вовсе. Так и застыла, наблюдая за каждым движением. Руки напряжены, плечи развернуты... Беки и сама не ожидала от себя такой прыти. Но Создателю не было угодно подарить ей хотя бы полчаса отдыха.

Дверь с грохотом распахнулась, и, шурша атласными юбками, в комнату заползли две змеи.

– Доброе утро, сестренка, – оскалили клыки Маргарет и Клэрис.

Одинаково блестящие, в дорогих платьях и гарнитурах, они старательно растягивали губы, но темные глаза горели ненавистью.

– Принесло лиху, – пробормотала Хельга.

Кобры тут же раздули капюшон.

– Закрой рот! – зашипели хором. – Язык с чернью будешь распускать, деревенщина!

Хельга воинственно вздернула подбородок:

– Я принадлежу госпоже! – грудной голос дрожал от ярости. – Ни вы, ни ваша маменька...

– выплюнула как ругательство, – не имеете надо мной власти.

Ох, да... Перед самой кончиной отец хотел дать Хельге вольную, но та взмолилась оставить ее при госпоже. Еще и бумагу затребовала, чтобы по правилам все. А потом так же прытко отнесла документ отцу Эдмунду на хранение.

– Мы не имеем, – хихикнула Клэрис, а у Бекки по спине озноб прошелся. Слишком хорошо она знала этот тон. Подлость так и сочилась из него дурно пахнущей кислятиной. – Мы не имеем... А вот герцог де Грейстор – другое дело!

– Собирайся, деревенщина! – рявкнула Маргарет. – С этого дня ты свободна!

Пальцы дрогнули, и недоеденный кусочек упал на колени, пачкая халат красными пятнами. Бекки попыталась сделать вдох, но вместо воздуха грудь наполнил кипящий жар и лютая стужа. О нет, только не это...

– Мне, право, жаль, герцог, что вы не погостите с нами хотя бы несколько дней.

Голос фон Арнет звенел от напряжения. С чего бы вдовушке так трястись? Губы белые, пухлое лицо осунулось, и даже румяна не скроют бледность щек. Дурная ночь была не только у него...

Но вместо того чтобы посмотреть на женщину, Вильгельм мазнул взглядом по худой кисти. Ребекка он Арнет – он не мог назвать ее женой даже мысленно – сжимала вилку так сильно, что жухлая кожа костяшек побелела. Напряженная и молчаливая, девчонка явилась к завтраку все в том же бедном платье и, не поднимая глаз, выщедила приветствие. А от самой так и веет холодом. Ах, это убогое смирение и добродетель! Его пращур – Вильгельм де Грейстор – оценил бы.

– Много дел в столице, – отсек жёстким тоном.

Вдова поджала тонкие губы, и ее дочурки последовали примеру маменьки. Правильно, молчание красит женщину. Не то чтобы Вильгельм был согласен со всеми утверждениями сво-

его далекого предка, но сейчас хотелось тишины. А еще засунуть девчонку в одну из башен родового замка и забыть до следующего ночного посещения.

– Благодарю за трапезу, – встал из-за стола, не заботясь насколько грубо это будет выглядеть. – Час на сборы, – это уже девчонке.

Не пошевелилась даже! Как сидела тощей статуей, так и осталась, только острые плечи будто напряглись. Проклятье! Надо будет навестить Лидию по возвращению. Еще одно неудобство – выселять из замка любовницу обратно в столицу. Временно, но сам факт. Общество – жадная до сплетен тварь, но как бы ни подмывало плюнуть на приличия, пачкать свой род досужей болтовней он не позволит.

Ничего, все это временные трудности. Через год в саду станет на одну статую больше, а Лидия вернется в замок на правах законной невесты.

Круто развернувшись, Вильгельм покинул кабинет. Надо бы проверить, как подковали Бандита. Трястись с девчонкой в одной карете не было ни малейшего желания.

Мужчина исчез, но озноб никуда не делся. Выкручивал кости, острыми льдинами напряжения рвал мышцы. Холодок отвращения гулял по спине с той самой секунды, когда Бекки увидела темную фигуру палача.

А на тыльной стороне ладони до сих пор жжется мимолетное касание мужских губ. Поцелуй вежливости... схватить бы салфетку и оттереть его до содранной кожи!

– Вчера герцога приехала поздравить двоюродная сестренка, – издевательски протянула Маргарет, – такая милая девушка... Роскошные темные волосы, персиковая кожа... Говорят, и не сестра вовсе. Ты ее видела, Бекки? Сидела в церкви в первом ряду.

Перед глазами колыхнулся образ бархатной красавицы. Той самой, что позволила себе оскорбление. Любовница, значит... О, Создатель, только бы она была на самом деле интересна де Грейстору! А лучше – пусть забирает его с потрохами! Бекки согласна на все, лишь бы вообще не встречаться с мужчиной до самой смерти.

– Да, она гостила в родовом замке де Грейсторов, – подхватила Клэрис. – Я слышала...

– Замолчите обе!

Бекки впервые оторвала взгляд от тарелки. Мачеха прикрикнула на своих обожаемых дочурок?! Это точно не мираж?

– Замолчите, – повторила, кидая вилку на стол. – Уважаемый герцог не любит пустых толков.

И посмотрела почему-то на нее. За хищным прищуром мелькнуло беспокойство. Гиневьева нервничает? Быть такого не может!

– А ты ступай, – еще больше нахмурилась мачеха. – Чтобы до полудня...

Осеклась вдруг и, не желая продолжать разговор, вышла. Будто сбежала. Не успели сестры ляпнуть очередную гадость, как в кабинет просочилась Хельга.

– Пойдемте, госпожа, – бережно подхватила под локоток. – Помогу вам, не беспокойтесь.

Глава 5

Замок был под стать хозяину. Таких не строили больше – темные стены и узкие окна-бойницы. Тяжеловесный, готовый к самой жестокой осаде, он сохранил и глубокий колодец во внутреннем дворе, и многоуровневую оранжерею-сад, с плодовыми деревьями. Страшно подумать, сколько войн и восстаний пережил этот гигант до того, как страну объединил прадед нынешнего короля – Генриха Благословенного из рода Лонрингов.

В иное время она бы схватилась за кисть, но и этого ей не оставили. Прощальная пакость сестер или мачехи – мастерская оказалась пуста. Ни единого самого завалящего холста и краски – змеи утащили все.

Бессильная злость жгла так невыносимо, что воздух с трудом попадал в легкие. Бекки сжимала кулаки и зубы, но смогла наскрести в себе сил на бездушную маску. Никакой горечи! Пусть захлебнется своим ядом – главного они отнять не в силах. Дар рисовать не убить мелочной подлостью.

Только в карете она позволила себе минуту слез. Торопливых и горьких. О, если бы рядом была Хельга...

Бекки крепко сжала под горлом плащ. Нельзя плакать. Сколько бы ни выпало испытаний, она выдержит их достойно. А перстень, что удалось спрятать от жадных лап сестер, поможет Хельге купить землю и домик. Нянюшка не хотела брать, но потом все же спрятала ободок белого золота на груди.

– Никому не отдам, – заявила решительно. – От вас забрала вам и верну, моя голубушка. А пока вот, возьмите и вы от старой Хельги.

Сунула в руки мешочек сухих трав.

– Чудный сбор, – прошептала доверительно. – Только уж заварите сами, не отдавайте на кухню. На чашу кипятка три полных щепоти и ждать, когда настой посветлеет...

Нарушая все приличия, женщина обняла ее, быстро и крепко, а потом подхватила скромную поклажу.

– ...Хорошо все будет, – заявила громко. – Мне сон вещей снился! Вы там здоровенькая и резвая, чисто зайка беленькая.

Зайка, да. Под лапой черного дракона... Бекки беспокойно оглянулась в сторону конюшни, где скрылся вороной жеребец и его хозяин. За несколько дней пути она не обмолвилась с герцогом и словом. Ночевали они в гостиных дворах по разным комнатам, а утром мужчина предпочитал одиночную езду далеко впереди. Ни ветер, ни дождь не могли загнать де Грейстора в карету. И хвала Создателю.

Кошмарные воспоминания о первой ночи тлели в груди, не давая отрешиться от прошлого. Она, правда, старалась не думать. Считала деревья, представляла образы новых картин, пыталась взяться за книгу... Все тщетно! Сон сбегал, а если удавалось задремать – тут же нападали кошмары. Жесткая, словно камень, кровать, и она сама тоже каменная... Ни пошевелится, ни вздохнуть. А еще боль... Бездонный океан боли, от которой хотелось выть и кричать до хрипа. А лучше – исчезнуть. Растворится в воздухе. Ничего не чувствовать и не помнить.

Дрожащей рукой Бекки стерла с лица липкую паутину воспоминаний.

А сердце опять билось тяжело и трудно, не давая воздуху просочиться в грудь.

– ...госпожа? – прозвучал рядом тонкий голос.

Под локтем почувствовалась чья-то рука.

– Госпожа, вам дурно?

Бекки с трудом заставила себя перевести взгляд на молоденькую девушку – почти девочку – в платье служанки, что так и норовила заглянуть в лицо. Хорошенькая... Курносый носик и россыпь веснушек. Глаза, как два голубых озера, в которых мелькает тень тревоги.

– Н-нет, – шепнула пересохшими губами. – Я... Все хорошо.

Ложь. Ничего не хорошо, и тесная комната в родовом замке желаннее самых богатых покоев.

– Позвольте проводить вас, – зашебетала девушка. – Меня Лорианой звать. Лорой то есть. Я к вам приставлена... Вы, должно быть, голодны с дороги.

Нисколько. Аппетит пропал вместе со сном, и по вечерам Бекки едва могла осилить пару ложек бульона.

– Мне бы просто... помыться.

Смыть с себя ощущение присутствия герцога. Притвориться перед собой, что все это ненастоящее и пропадет с первыми лучами солнца.

– О, разумеется! – живо отозвалась Лора. – Ваши покои – такая прелесть! Есть уборная. Наш хозяин обустроил водопровод, представляете? И вода сама нагревается, нет нужды тяжелые ведра таскать... И кухню переделал, да. Бадья сама стирает – вот диво. Раньше-то служанки на пруду пальцы били. Рубин ведь напитать магией непросто. Твердый камешек. Но герцог...

– Лора, милая, очень болит голова, – выдавила Бекки.

От хвалебной стрекотни сводило зубы. И мыться уже не хотелось – только не в чудесных ваннах от де Грейстора, чтоб он подавился своими изобретениями.

Девушка тут же замолкла. И стало стыдно. Никто не запрещает прислуге обожать своего господина. А ее чувства – только ее проблемы.

– Не сердись, – Бекки изобразила улыбку. – Дорога была трудной.

– Как я могу сердиться? – кажется, Лора была удивлена. – Ведь я ваша прислуга.

Железный аргумент. Но на дальнейшую беседу не было ни сил, ни желания. Как и восторга от внутреннего убранства замка. В каком-то отупении Бекки осмотрела тяжелую парадную лестницу целиком из белого дуба, мазнула взглядом по бархатным гобеленам и картинам на стенах, едва повернула голову в сторону камина, с какими-то блестящими статуэтками или, может, механизмами, но на этом все. Строгая роскошь не могла избавить от ощущения плена. Какая разница, чем украшены прутья клетки? Ни одна самая густая позолота не сделает ее желанной.

– Пойдем, Лора, – попросила застывшую явно с умыслом служанку. – Я осмотрю... потом.

Или никогда.

Кухарка постаралась на славу. Рагу просто таяло во рту, но вместо того, чтобы опустошать тарелку, Вильгельм разглядывал пляску огня в камине.

– Совсем ничего не ела, ваша милость, – тоненький голосок Лоры звучал тревожно. – Отговорила головной болью, но неправда это, уж простите. А худенькая, Создатель убереги. Все ребрышки видно.

Не только ребра – через живот позвоночник просмотреть можно. Ходячий скелет.

Вильгельм задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. Брачный браслет не даст болезни развиваться, но только на некоторое время. Даже его род не научился обманывать смерть – рано или поздно Ребекка фон Арнет ляжет в могилу. И все же минимум год у него имеется. Но аппетит должен бы уже вернуться.

Проклятье! Ему бы все закончить скорее, но дело оказалось хуже, чем выглядело изначально. С другой стороны, месяцем больше или меньше – какая разница? Слуги лишнего не сболтнут. Недаром отбирал самых верных и понятливых – посторонним сюда ходу не было. Только те, кто умеет не сунуть нос в хозяйские дела, и просто исполнять свою работу.

Понемногу хорошая пища и уход дадут свои плоды, и скелет превратится в женщину, способную зачать дитя. А тем временем...

Вильгельм коснулся фигуры ворона, застывшего на ветке-подставке. Тонкий механизм пришел в движение, и железная птица склонила голову, готовая слушать приказ.

– Получатель: Лидия Рихтерберг. Жди меня в ближайшее время. Отправитель: Вильгельм де Грейстор.

Янтарные глаза птицы вспыхнули и погасли. Бесшумно взмахнув крыльями, ворон устремился прямо к приоткрытому окну.

Отлично!

Теперь же следует дать несколько распоряжений. В том числе и насчет питания одной особы.

За окном медленно занимался рассвет. Бекки не чаяла его дожждаться... Протряслась в огромной кровати всю ночь, умирая от страха, что в комнату зайвится герцог. Глупость, конечно. Если бы мужчина тяготел к полуживым девицам, то взял бы свое еще в дороге. Но тревога не желала униматься, растягивая минуты в бесконечность. Красные угли в камине мерещились алыми искрами драконьих глаз, а в темных углах колыхались огромные тени, похожие на черные крылья.

Это было тяжелее, чем пережить смерть матери, а потом и отца. Тогда рядом осталась хотя бы Хельга, а сейчас... Бекки едва дышала. То жмурилась до кругов перед глазами, вымаливая хотя бы несколько минут сна, то бессмысленно разглядывала воздушный балдахин.

На убранство тут не скупилась... Мягкий ковер, обтянутая атласом резная мебель, огромный камин и картины по стенам. Рядом – уборная. Нет нужды идти в купальню, под носом не хуже. Но, видит Создатель, Бекки отдала бы все на свете, чтобы очутиться как можно дальше отсюда. От одной мысли, что все это принадлежит герцогу, становилось тошно.

Откинув край пышного и холодного, как сугроб, одеяла, девушка соскользнула с неприлично-огромной постели. Но не успела сделать и нескольких шагов, как в дверь осторожно стукнули.

– Доброе утро, госпожа. Вы так рано проснулись, – проворковала Лора, просачиваясь в комнату с подносом. – И правильно, кто рано встает – тому Создатель подает.

Бекки молча сглотнула. От супницы струился удивительный запах. Даже голова закружилась.

– Добро... утро, – постаралась не подавиться слюной.

Девушка лукаво улыбнулась и подплыла к столу.

– Наша Нинель – не хуже мастериц дворцовой кухни. Воистину золотые руки и тонкий вкус. Этот суп – любимое блюдо короля. Он часто тут бывает.

– Король?!

Монарх слыл тяжелым нравом и не любил различного рода поездки. А после одного из покушений, в котором погибла молодая королева, а он сам получил увечье – мужчина и вовсе закрылся.

– Ну да, – продолжила щебетать Лора, ловко расставляя посуду. – Замок де Грейсторов окружает прелестнейший заказник. Тут водится даже голубь-горлан! Нежнейшее мясо, редкое. А роща с белым дубом – до чего прелестнейшее место!

Бекки нахмурилась. Целая роща? Но не за этим ли герцог решил жениться? Зачем ему еще, если у самого хватает? Впрочем, разве денег бывает много? Мачеха и сестры живое подтверждение, что сколько бы драгоценностей ни сверкало в ларцах, а местечко для еще одного гарнитура всегда найдется.

– И часто король, кхм, посещает замок?

Лора и бровью не повела. Расправив белый передничек, осмотрела идеально расставленные приборы и рассеяно ответила:

– Не так чтобы. Вот месяц назад охотился. А теперь, должно быть, вдвое больше не покажется. Со дня на день должны явиться послы из Полташ, Герनावии, а так же союзных островов Руссин. Опять невест притащат... Вот и хозяин уехал. У них с королем на этих прилипал большие планы.

Уехал! Бекки едва на ногах устояла. Облегчение обрушилось девятым валом, раскрашивая сумрак утра подобием радости. Уехал... Хоть бы надолго! А после пусть катится к своей любовнице – это будет таким счастьем!

– Присаживайтесь, госпожа, – как-то очень пристально посмотрела на нее Лора. – А я чай пока заварю.

Бекки воспользовалась предложением незамедлительно. Пусть думает, что хочет. Наверное, стоило бы выдержать лицо, но известие было слишком желанно.

Первой ложки супа она не почувствовала. Зато вторую... Ох, ее любимая Хельга наверняка приревновала бы, увидев мелькающий серебряной рыбкой прибор. Да таким супом и Создателю угодить можно! Что за дивные травы? А эти мягкие овощи и густой бульон... Но, ополовинив тарелку, Бекки все-таки сдулась. Жадность требовала еще хотя бы капельку, и все же девушка аккуратно положила ложку на салфетку. Хватит. Очень обидно будет расстаться со съеденным из-за собственной алчности.

– Благодарю, Лора. Выпьешь со мной чай? – лягнула быстрее, чем подумала.

Голубые глаза распахнулись от удивления.

– Я?!

Бекки даже смутилась. Должно быть, девушка шокирована. Но компания к утреннему чаепитию давно уже стала необходимостью.

– Мы с Хельгой всегда пили чай вместе.

Девушка растерянно огладила белый передник. Но колебалась недолго – устроилась напротив.

– А Хельга – она...

– Моя кормилица. С самого младенчества рядом была. Добрее женщины я не знаю.

Бекки замолкла и занялась чаем. Голос начинал подрагивать, а показывать слабость перед Лорой не слишком хотелось. Но как же больно терять единственного близкого человека!

Чаепитие прошло в молчании, но скованности не было. Гораздо больше занимал вопрос – что дальше? Хорошо бы снова заснуть... И не просыпаться никогда.

– Госпожа, – вдруг подала голос девушка. – Позвольте показать вам замок. У герцога огромная библиотека и дивный сад.

Хрупкое подобие душевного равновесия разлетелось вдребезги, обнажая ядовитый клубок страха. Выйти? Ни за что! Но прошедшая ночь до сих пор давила на грудь могильной плитой. Надо отвлечься. Заставить себя не думать, и Бекки знала лишь один способ.

– Спасибо Лора, не стоит... – возразила без сожаления. – Скажи, а ты можешь найти бумагу и чернильное перо? Или уголь...

Глава 6

Король стоял перед окном и внимательно рассматривал сад. Тучи отступили под натиском Дара, и солнце уже неделю согревало землю – неслыханная роскошь для соседних стран и обыденность для Австарии. Плодовые деревья готовились к цветению, и бутоны обещали богатый урожай. Но вряд ли Генрих занимался подсчетом прибыли от продажи редких яблок с острова Тов-А, прозванных в народе «медом Создателя». Вильгельм их тоже весьма ценил, как и все другие сорта, но сейчас не до того.

Лидия не упустила возможности высказать свое «фи» переездом. И тут же аккуратно потребовать компенсацию, желательно в виде драгоценностей. Вильгельм готовился к нервам со стороны женщины, но это начинало утомлять. Пусть лучше сидит и помалкивает, если хочет дожидаться брачного браслета.

Генрих тоже маялся сердечными вопросами. Железные пальцы протеза тихонько постукивали друг о друга, а неестественную напряженность плеч не прятал даже плотный черный камзол.

– В следующий раз мне подсунут ребенка, – проскрипел король. Голосовые связки тоже пострадали – в глубокий баритон закрался надтреснутый хрип. – Какого демона?

Да, в Австарии брак раньше восемнадцати не заключался. В отличие от соседней Полташ, где девочек выпихивали под венец, едва тем исполнится пятнадцать.

– Самой взрослой леди шестнадцать, ваше Величество, – напомнил без особой охоты. – К тому же остальные не сильно младше.

Железные пальцы застучали громче. Генрих чуть повернул голову, и в густых темнорусых волосах сверкнула ранняя седина.

– Демонов... долг, – выцедил сквозь зубы, и Вильгельм был с ним согласен.

Вопреки всему, королевский брак оказался даже слишком удачен. Генрих обожал свою супругу, а леди Катарина отвечала ему взаимностью. Счастье монаршей четы омрачалось лишь отсутствием наследника. Но когда королева, наконец, забеременела, случилось страшное – заговорщикам удалось совершить покушение во время одной из прогулок.

Королева погибла на месте, а король лишился руки до локтя – ее просто оторвало куском кареты. Вильгельм лично сделал протез, но что та железка Генриху! Мужчина до сих пор не простил себе смерть возлюбленной.

– Она сказала, что ей душно и хочется к окну, – лишь однажды обронил король. – Зачем я позволил...

Горечь и сожаление Генриха были настолько острыми, что Вильгельму стало не по себе. Не хотел бы он любить настолько сильно. Но контроль над привязанностями всегда давался ему легко, и даже Лидии Вильгельм не позволял сжать коготки на сердце слишком сильно. Да, он выбрал ее в спутницы жизни. Как подходящую для этого женщину. Красота, умение себя держать, раскованность наедине и знатный, хоть и обедневший род – а что еще надо?

– Ну, а как дела в твоём замке? – сменил тему Генрих.

Проклятьё!

– Фон Арнет не доставляет хлопот.

И даже больше. Девчонка отказывалась выходить из комнаты. В его замке поселилась монашка! Ни приказов, ни капризов. Но хотя бы аппетит улучшился. К тому же фон Арнет вздумала занять себя пачканьем бумаги.

В письмах значилось, что картины восхитительны, но вряд ли девица умеет вполнину того, чему обучают живописцев. Скорее, данное определение – элемент вежливости, не больше.

На ум пришли те два холста, которые он видел в замке Арнет. До сих пор в ушах шумел прибор, а воздух хранил запахи весенней травы и яблонь. И подписи нет. Мастер пожелал остаться неизвестным. Жаль.

В серых глазах короля мелькнуло понимание.

– Предлагаю покончить с неприятными обязательствами одним махом. В честь послов я обязан устроить бал, к тому же, – тут король нахмурился, – заодно можно приурочить сие мероприятие к королевскому дню рождения.

– Еще три недели, Ваше Величество.

Но Генрих махнул рукой. Он и раньше не любил «бестолковое веселье», а после смерти жены совершенно замкнулся в себе.

– Представишь фон Арнет ко дворцу, – озвучил очевидное, – два вечера, и можешь быть свободен.

– Вы слишком щедры, Ваше Величество, – хмыкнул Вильгельм. – Надеюсь, фон Арнет выдержит.

Король опять вернулся к разглядыванию окна. Его тоже тяготило происходящее, несмотря на то, что девушка умерла бы в любом случае.

– Покойный фон Арнет обладал честью и достоинством, пока не попал в лапы новой жены. Постарайся держать себя мягче с его дочерью.

Доброе слово от короля? Ну надо же! Не Генрих ли предоставил ему списки с кандидатами? А до этого первый завел разговор о том, что тридцать пять лет – достаточный срок ожидания. Проклятье само собой не рассосется.

– Постараюсь, – поднялся на ноги.

Но обещать не стал.

Мазки ложились на бумагу едва заметной тенью. Одно неверное нажатие – и портрет будет испорчен, но рука легко порхала по бумаге.

Это стало ее спасением. Отдушиной, позволившей не думать ни о прошлом, ни о будущем. Осталось только настоящее. Старый замок, богатые, но чужие покои.

А еще Лора. Ее было много. В набросках и просто так... Девичья болтовня разгоняла тишину и, удивительным образом, дурные мысли.

Даже кошмары поблекли, хотя иногда все еще подкидывало. Под спиной мерещились каменные складки одеяла вместо добротной перины, а внизу живота огненными сгустками пульсировала боль.

В такие моменты Бекки сразу брала в руки кисть – Лора притащила ей плохенький, но все же инструмент, да и краски нашлись.

– Не шевелись, – произнесла, не отрывая взгляда от бумаги.

– У меня сейчас руки отвалятся! Госпожа, молю – пять минут отдыха!

Вот лиса! Руки у нее отвалятся, как же. Просто кое-кто не в меру любопытен.

– Ты же смотрела набросок полчаса назад.

– Но ведь красиво! Воистину дар Создателя!

А лесть так и брызжет.

– Была бы от него польза, – вздохнула Бекки.

Отец позволил рисовать лишь с условием, что никто не будет знать имя мастера. Раньше Бекки это было неважно, лишь бы рисовать, а теперь... Перед кем прятаться? – Ладно, отдохни.

Девушка сорвалась с места быстрее, чем последний звук растаял в воздухе.

Жадно выхватила рамку нее из рук и замерла, впившись взглядом в набросок.

– Это... Это правда мое будет?

Вот смешная, сколько раз уже спрашивала? И было бы чем восхищаться. Сильно Бекки не мудрила, нарисовала как есть – Лора с подносом в руках. На первый взгляд серьезная и строгая, но в голубых глазах пляшут смешинки. Даже веснушки на задорном носике улыбаются.

Егоза егозой, но работу свою знала отлично.

«С детства я тут, госпожа. Маменька еще моя работала, а потом и я... после уже. Несчастный случай»

Объяснение было неловким, и отбивающим охоту расспрашивать дальше. Впрочем, Лора находила сотни тем для разговора. Такая болтушка...

– Что будет твоим? – ударом хлыста обжег чужой голос, и Бекки замерла, чувствуя, как затягивается на горле удавка паники.

Герцог решил навестить замок. А заодно и свою жертву, то есть жену.

Он не знал, на что смотреть. Взгляд метался от девицы к служанке, а потом опять лип к картине. Фон Арнет... Это она – тот неизвестный мастер, чьи полотна украшали комнату. Немыслимо! Настолько живые образы просто не могли быть рождены едва живой девчонкой! Но картина в руках Лоры и слепого убедит. Проклятье!

Невольное восхищение травило кровь.

Какой дар жил в костлявых пальчиках фон Арнет! Да придворные живописцы удавятся от зависти! Но почему до сих пор ее имя не звенит на всю столицу? Демон... ему-то какое дело?!

Вильгельм нахмурился, но любопытство уже задело отравленным когтем. Почему покойный барон спрятал дар своей дочери от широкой публики? И у кого девчонка училась? Не могла же она сама... или могла? Какие точные линии! Даже отсюда видно, что служанка на картине изображена не только мастерски точно, но и с душой. Лысыми кисточками и дряной краской фон Арнет умудрилась сотворить чудо – отобразить лёгкий, как весенний ветерок, характер Лорианы.

Вильгельм шагнул вперёд, чтобы рассмотреть полотно лучше, и девчонку сдуло с кресла. Испуганным зайцем прыгнула едва ли не на середину комнаты и застыла, впиваясь в него темными глазищами. Жадность, с которой он разглядывал картину, нашла себе новую жертву.

Нарочно или нет, девушка заскочила прямо в узкий луч солнечного света. Вспыхнула в нем прозрачным туманом, такая нереально белая и тонкая, и... знакомая. Вильгельм пригляделся внимательнее.

Да будь он проклят! Перед ним вздрагивала и расправляла крылья фея из яблочного зернышка!

В горле пересохло.

Бред! Глупое чтиво забавляло его в детстве! Он был ребенком, а какой ребенок откажется от сказки на ночь? И, может, в юности, когда в голову пришла блажь оживить нарисованную фею. Ничего не получилось. Слишком мало металла и камней для крохотной фигурки. Влив в нее демонову прорву сил, он оставил свое первое изобретение пылиться на полке. Не подходил к нему больше и не вспоминал о той, что послужила причиной неудачи.

А вот сейчас в голове щелкнуло, отшвыривая в полузабытое прошлое.

Вильгельм стиснул зубы, отгоняя наваждение. Проклятье! Что на него нашло?! Плевать, на кого похожа или как хорошо рисует фон Арнет. Его это не касается!

Главное – девчонка заметно поправилась. Он и сам не ожидал. Две недели назад к алтарю ковыляла высохшая мумия, а сейчас его гипнотизировала взглядом пусть и худая, но вполне живая на вид девица. Браслет сработал в полную силу? Похоже...

– Решили подарить картину служанке? – выцедил сквозь зубы, продолжая разглядывать неожиданную художницу.

Девушка вздрогнула, будто он не вопрос задал, а ударил наотмашь.

– Да, – и, подумав, добавила. – Герцог.

Злость так и вскипела. Костлявость пропала, а нервов не прибавилось! Может, ещё в обморок упадет для полноты картины? И эту дерганную тихоню он должен тащить на бал? Гори он синим пламенем.

– Господин, Вы же не против? – пискнула Лора, прижимая к себе рамку.

Да ему вообще плевать!

– Через неделю в королевском дворце состоится бал, – проигнорировал вопрос. – К вам придет модистка.

Фон Арнет и рта не раскрыла. Что там, и не шелохнулась даже. Она, вообще, поняла, о чем речь? Или её не интересует не только пища, но и наряды? Судя по безвкусному платью – так и есть. Все в том же рубище, а новые платья наверняка не тронуты. Зря только отдал распоряжение их стоговить!

Круто развернувшись, Вильгельм покинул комнату. Ему срочно нужно в мастерскую. И бокал хорошего яблочного сока.

Но настороженный и совершенно холодный взгляд фон Арнет всколыхнул задремавшее чувство тревоги. И он никак не мог понять причину.

Она смогла выдохнуть только после того, как тяжёлая дверь захлопнулась. От накатившей слабости чуть не села, где стояла, но кое-как доплелась до кресла.

– Госпожа, вам дурно? Ох, совсем бледненькая... Я сейчас!

Лора суетилась у стола, забыв о картине. А Бекки сосредоточенно отсчитывала дыхание. Перед глазами мелькали темные мушки, и в ушах шумело.

О, Создатель... королевский бал! С герцогом! Ей сейчас же надо сломать ногу или хотя бы палец...

– Вот, пейте. Это чай ваш любимый...

Да, травы Хельги она выдала за чай, все равно шустрая Лора нашла бы их.

Под нос сунули чашку, но руки так дрожали, что Бекки не рискнула взять – ещё расплескает.

А может, вылить и дело с концом? Отвар сработал даже слишком хорошо – появился аппетит, и по капле в тело стала возвращаться жизнь. Пальцы больше не казались худыми, сухость кожи исчезла, а вчера утром под тонкими ниточками волос показался пушок ее прежних локонов – густых и гладких.

– Госпожа, – Лора ловко втиснула в ладонь злополучный кусок фарфора, – пейте!

Рука дернулась, и Бекки сама не поняла, как залпом осушила сладковатый напиток.

– Вот и умница, вот и ладно, – забормотала девушка, – гречочки Ваши...

Перед носом оказался золотистый кусочек с капелькой яблочного джема. Дикий голод скрутил желудок, и Бекки чуть не вырвала тарелку из рук служанки.

Да, надо поесть. Сосредоточиться на хрустящем хлебе и нежной яблочной сладости. Ей просто померещилось. И хмурый хозяин на пороге, и пронизывающий до костей взгляд черных глаз. А дышать все ещё трудно... и кончики пальцев будто изо льда.

Лора присела напротив. По обыкновению, разгладила передник и мечтательно вздохнула.

– Я всего один раз побывала в королевском дворце. Дивное место! А какая там галерея! Покойная королева, убереги ее Создатель, ручку свою приложила. Полотна один к одному, и все то лес, то сад или вот когда еду рисуют...

– Натюрморт, – прошептала Бекки.

Ещё полтора месяца назад она бы все отдала за возможность своими глазами увидеть картины великих художников, но сейчас ей хотелось зарыться с головой в одеяло и сказатьсь больной. О, если бы это могло сойти за правду, но де Грейсторам не отказывают...

– Король не слишком жалуется утомительные танцы, госпожа. Вам не придется много двигаться.

Ах, если бы причина была в этом! Да лучше плясать всю неделю без продыха, чем играть перед публикой роль счастливой герцогини де Грейстор. Бекки не хотела врать и находиться рядом с герцогом тоже!

Мысли бестолково металась из стороны в сторону. Бала не избежать – ее заставят туда пойти, не добром так силой. Проклятые приличия... Лучше бы дракон уволок на танцы свою любовницу!

– А завтра обязательно придет модистка, – беззаботно щебетала Лора, – надеюсь, это будет миссис Джорджина... Ах, Вы не представляете, какую красоту она шьёт!

Глава 7

Спину нещадно ломило, а шея, кажется, вовсе окаменела – Бекки ее не чувствовала. Как не ощущала и всю себя. Мелкими глотками впихивала в лёгкие воздух и отчаянно мечтала исчезнуть, только чтобы избавиться от давления пристального взгляда.

Вопреки ее надежде, де Грейстор пренебрёг верховой ездой. Уселся в карету, лишая желанного одиночества.

Молчание жгло язык полынной горечью. Но Бекки упрямо смотрела в окно, делая вид, что ей интересен лес. Тот самый заказник, который облюбовал король.

Только от красоты природы не зудело в кончиках пальцев желание схватиться за кисть, а густо растущий белый дуб вызывал смутное беспокойство. Его даже больше, чем в роще отца. Бледно-зеленые кроны мелькали чаще, чем листья других деревьев, а какие толстые стволы! Бекки готова была биться об заклад – под темной корою прячется ослепительной белизны древесина. Так зачем герцогу часть рощи, где половина дубов не достигла столетней зрелости? Да в сравнении с этим богатством ее приданое – пыль!

– У кого вы учились?

Бекки вжало в спинку сидения. Взгляд метнулся к герцогу и тут же в сторону – в глазах дракона полыхал черный огонь, а хищные черты еще больше окаменели, будто это она рискнула открыть рот.

Герцог нахмурился.

– Ваше... увлечение. У какого мастера вы брали уроки? – повторил нетерпеливо. В густом баритоне зазвенели острые нотки.

– У книг, – с трудом отлепила язык от нёба.

Сердце натужно ворочалось где-то под горлом, сминая голос в едва слышный шелест.

– У книг? – к острым ноткам добавилась ледяная стужа.

Бекки так и передернуло.

– Да, у книг, – и, подумав, добавила, – герцог.

Он ей не муж.

Де Грейстор едва слышно фыркнул, а может, выругался. Но в карете воцарилась тишина. На всякий случай Бекки плотнее придвинулась к окну и постаралась изобразить сосредоточенный вид. Скверно вышло!

О, Создатель, зачем герцогу интересоваться, кто и чему ее учил? Хочет заставить ее писать на заказ? Да нет, глупость... Но не любопытство же.

На плечах лежала теплая шаль, но мелкий озноб ударил вдоль позвоночника. Ей не нужен интерес мужчины! Так же, как и его внимание! Ох, почему герцог не предпочел взять на бал свою любовницу? Бекки тихонько вздохнула и осторожно покосилась на браслет.

Кажется, она знает, кому он будет принадлежать после счастливого вдовства де Грейстора. Ну и Создатель с ним.

Фон Арнет пялилась в окно так, словно среди плотного лесного покрова узрела лик Создателя. А Вильгельм мысленно костерил себя за ненужное любопытство. Какого демона сунулся? Рисует девчонка отлично, эка невидаль!

Но простенький портрет служанки стоял перед глазами как живой.

Идеальное сочетание красок. Безупречные линии... Даже он, связанный Даром с драгоценными камнями и металлами, не смог бы подобрать лучше.

Неожиданное открытие цепким репьем сидело где-то под ребрами, не давая забыть, что в одной из башен притаилась талантливая и такая же безразличная ко всему мышка.

Деревья расступились, и солнце коснулось бледного личика фон Арнет. Тонкая кожа все еще казалась прозрачной, но жухлость пропала, забрав с собой истощенный вид. И негармоничные черты теперь смотрелись по-другому. Широкая переносица выделялась не так уж сильно, глаза приобрели живой блеск, а белесые брови и ресницы будто потемнели... Или ему кажется?

Попытка оторвать взгляд не увенчалась успехом. Демон разбери, это перестает быть смешным! Дурнушка никогда не станет красавицей, но в сравнении с тем, что ковыляло к алтарю... Да, пожалуй, его заинтересовал контраст. Вместе с необычайной даровитостью. По книгам училась, ха! И анатомии тоже?

На ум вдруг пришло, что на картинах он видел только девушек.

Теперь все ясно. Юных леди, решивших побаловаться кистью, не обучали строению мужского тела – не для женских глаз. Да девица наверняка упала бы в обморок, увидев, что скрывает ткань штанов.

Лидия в этом плане куда проще. Не скрывала, за кем охотится, и не стеснялась демонстрировать все свои таланты. Соперницы устранялись без всякой жалости, но настолько аккуратно, что вместе с недовольством по поводу явной надоедливости Вильгельм не мог не отдать должное изобретательности. А когда их встречи приобрели постоянный характер, Лидия попыталась превратиться в безгрешного ангела, только хвост все норовил выскользнуть из вороха юбок. Это придавало пикантности отношениям, но Вильгельм не забывал душить ростки своелюбия в зародыше.

Не так жестоко, как это делал его пращур, да и другие родственнички, не брезговавшие поддержать слово кулаком, но и без лишних нежностей. В конце концов женщина покорилась. Или сделала вид.

Взгляд сполз по тонкой девичьей шее к напряженно сжатым пальчикам. Эта бы не выдержала не то что удара – громкого окрика. Пращур довел бы ее в первый же день, вернее – ночь...

Резкая встряска чуть не выкинула его с сиденья. Ударившись плечом о стенку, Вильгельм по инерции выкинул вперед руку, и вовремя – две узкие ладони ткнулись в плечи, и девичьи глаза оказались совсем рядом. Испуганные, огромные и... необыкновенно прекрасные. Муть исчезла, раскрывая безумно редкий цвет солнечного сапфира.

А спустя мгновение обоняния коснулся нежный запах цветущей яблони.

– Ты молодец, – пальцы ласково взъерошили короткую шерсть между рогов.

Олень подставлял голову под ласку и мягко прихватывал губами рукав. Намекал, что за прыжки перед каретой неплохо бы погладить еще немного – ведь он так старался!

– Ну-ну, будет, – рассмеялась женщина. И тут же озабочено нахмурилась. – Ох, только бы в этот раз получилось...

Карета давно укатилась далеко вперед, но даже если бы захотел, герцог не нашел бы виновника заминки – поляну на опушке леса скрывали мощные чары.

Женщина перебросила косы за спину, и разноцветные бусины тихо стукнули друг о друга. Силе давно уже тесно в груди, но даже сейчас ведьма не смогла бы предречь исход задуманного. Сколько раз обманчивая удача была буквально на расстоянии вытянутой руки, но каждый раз таяла, словно дым от костра.

Женщина чуть прикрыла глаза, отгоняя гнетущие воспоминания. Как же она устала... Никто из живущих не смог бы вынести и малой толики того, что выпало ей, но и оставить свою ношу нет возможности... Не сейчас.

– Молодец, – повторила задумчиво. – Довезешь меня до стоянки?

Животное грациозно подогнуло передние ноги, предлагая устроиться на спине. Крепче ухватив рога, ведьма легко оседлала своего помощника. Хорошо, что на Зов откликнулся олень, а не какой-нибудь хищник. Пришлось бы и назад идти ногами.

– А девочка-то милая, – пробормотала сама себе, – интересно, как быстро малыш Вильгельм поймет, что он такой же ублюдок, как все его предки? Только бы все получилось...

И, словно подхватив ее давнюю мольбу, ветер тихо зашелестел в кронах.

Глава 8

Она пила уже третью чашку, но никак не могла напиться. И успокоиться тоже не могла! Бекки сжала гладкий фарфор, но ладони все равно чувствовали жесткую ткань камзола. И твердых, будто каменных плеч герцога.

– Госпожа, вы сейчас чашку раздавите, – жалобно пискнула Лора.

Бекки постаралась улыбнуться, но вышло криво. Глупый олень прыгнул перед каретой, а ей кошмаров теперь на несколько ночей! О, чего стоил один лишь взгляд черных глаз! Обжег кипящей смолой, да так, что Бекки рванулась прочь, едва не вывалившись из кареты.

Де Грейстор бросился следом, видно, опасаясь стать вдовцом раньше времени, но она успела забиться в противоположный угол, готовая дать отпор, если понадобится. Теперь у нее есть силы и способность двигаться...

Дура! Как будто у нее был шанс против этого... этого куска гранита! Пусть касание было мимолетным, но она успела ощутить скрытые под камзолом бугры мышц. Герцог мог бы сломать ей шею двумя пальцами.

Во рту опять пересохло, и Бекки залпом осушила травяной напиток.

– Может, прогулялись бы? – опять подала голос Лора. – Королевский дворец как-никак... Или боитесь?

– Что?!

Удивление и негодование не оставили от прежних терзаний камня на камне. Не много ли Лориана себе позволяет? Упрекнуть в трусости!

Служанка виновато отвела глаза, и даже голову вжала.

– Простите, госпожа, но вижу ясно – не по себе вам. Что в замке господина, что тут. Уж не знаю, чем хозяин насолить успел...

И лучше не знать ей вовсе! Не насолить – душу и тело в грязи выпачкать!

– ... но на балу всяко придется рядом быть. Ваше дело, конечно, но давать повод для слухов...

– Герцогу ли их бояться! И без этого найдут, о чем поговорить.

Хотя бы о любовнице де Грейстора, которая наверняка будет тут присутствовать. Если уж она сидела в первом ряду в церкви, то ее род достаточно знатен для приглашения на королевский бал.

– Верно, госпожа, найдут... Но лучше одна сплетня, чем ворох. Простите, Создателя ради. Пойду еще напиток вам принесу.

Лора тоскливо вздохнула, и Бекки вдруг стало стыдно. На самом деле, к чему в затворницу играть? Будто мало ей почти месяца добровольного плена в замке де Грейстора! А на свежем воздухе и дурные мысли меньше терзают. От отца Бекки слышала, что у короля дивный сад... И на картинную галерею хоть одним бы глазком взглянуть!

– Давай прогуляемся, – решительно встала из-за стола. – Посмотрим сад и картины.

Служанка так и бросилась к шкафу скорее выбирать одежду для прогулки.

За две недели модистка нашла целый сундук. От отороченного мехом плаща до бального платья.

– Не подойдет вам пышное, душечка, нет, не подойдет, – ворковала женщина, обмеряя ее со всех сторон. – Нечего тут прятать, показать следует...

Что там показывать Бекки не знала. Разве что талия была тонка. Но никакой, так любимой мужчинами, мягкости форм. Грудь едва заметна, да и бедра не широки. Ну а про лицо говорить нечего – глаза лупатые, брови светлые, скулы широкие, как у крестьянки. Бекки с детства знала, что она не красавица – в книгах восхвалялись совсем другие черты, а болезнь

так и вовсе из нее последние соки выпила. Забрала приятную густоту локонов и мягкость кожи. Искушила тело...

Пальцы против воли коснулись щеки. Вернее, так было до того, как Хельга дала ей этой чудесной настойки. Неужели хворь отступила? Бекки боялась об этом думать. И очень хотела... Вопреки всему, внутри проснулась жажда жизни. Как чудесно вновь почувствовать себя сильной и бодрой! Легко взбежать по крутой лестнице, или рисовать сколь угодно долго! Раньше целый день у мольберта простаивала... И лишь одно чернильным пятном сидело на сердце – ненужный и нежеланный брак.

– Вот, это как раз будет! – Лора бережно расправила нежно-зеленое платье с кружевным лифом и широким поясом под грудью. – Денек-то какой чудный, солнышко так и припекает.

Да уж, король легко мог разогнать любые тучи. Сильный погодник – он спасал страну от неурожая год за годом. Соседи мечтали породниться с Австарией. У них то дела шли совсем плохо.

Платье легло точно по фигуре. Бекки даже залюбовалась – до чего ловко сшито, и всего за две недели! Воистину, у модистки волшебные пальцы, даже грудь кажется полнее. Выше, что ли...

– Ах, вам бы еще прическу сделать, – восхищенно цокнула Лора, но Бекки покачала головой.

– Не будем терять времени.

Портить прогулку встречей с герцогом совсем не хотелось. Пусть мужчина сразу же ушел к королю, но могло стать так, что их беседа не окажется долгой, и де Грейстор вернется в свои покои, которые находятся совсем рядом.

Подхватив плащ, Бекки направилась к выходу. Пыталась выглядеть уверенно, но все равно замерла у двери на несколько ударов сердца и только потом решилась.

К счастью, в коридоре никого не было.

– Недолго тут пусто будет, – рассеяно пробормотал Лора, – ох, хорошо, что для герцога тут всегда готовы комнаты. Нет нужды убирать особняк. Такое хлопотное дело...

Бекки слушала в пол-уха. Особняк тут у де Грейстора или лачуга – нет никакой разницы. Богатство мужчины не вызывало восторгов. Она никогда не тряслась над новыми платьями или украшениями – отец в шутку говаривал, что гарнитуру дочь предпочтет новую кисть. И его слова были недалеко от истины.

Взгляд блуждал по пустынному и богато украшенному коридору. Изнутри королевский дворец был не хуже, чем снаружи. Та же удивительная лёгкость и воздушность. Огромные окна от пола до потолка, белый дуб и мрамор, изящная мебель, зелень в кадках.

Внимание привлекла одна из картин.

Цветущий сад, насквозь пронизанный солнцем. До того живой и яркий, что если бы не витая рама – казался бы окном в королевскую оранжерею.

Забыв обо всем, Бекки очутилась около картины. Какая тонкая работа! Мастер трудился над каждым лепестком и травинкой. Взгляд махнул по правому нижнему углу, где обычно находилась подпись творца. Лорд Энтони фон Виллис. Конечно он! Благословенные Создателем пальцы – так о нем говорили современники. Он жил чуть меньше века назад, и совсем недолго, но успел прославиться как воистину искусный художник.

– Все так же не можешь отвести взгляда от холста, Бекки?

Сердце мучительно сжалось. Этот голос... такой незнакомый и знакомый одновременно. Картина разом потеряла ценность. И все остальное тоже пропало.

– Альберт... – прошептала, не веря сама себе.

За спиной послышался лёгкий смех. Совсем, как в далёком и таком счастливом детстве.

– А ты все такая же хорошенькая.

Лора возмущённо ахала и шипела что-то о приличиях, но Бекки не слышала. Не хотела и не могла. Альберт! Невозможная, невысказанная встреча!

– А ты все так же не умеешь врать, – шепнула, утопая в светлой зелени глаз.

Худошавый подросток превратился в подтянутого мужчину с лукавой улыбкой и золотистыми кудрями, заплетенными в низкий хвост. Светлый камзол подчёркивал силу и гибкость фигуры, искушая рассматривать владельца снова и снова. А вот бы нарисовать!

– Прости, – тут же нахмурился Альберт. – Отец говорил, ты заболела...

Прошлое с трудом шевельнулось в памяти. Заболела? Да, кажется... Слабость по утрам, тошнота, плохой сон. Но теперь ей лучше!

– Заболела... – повторила эхом. – Но это... это же ерунда! О, Создатель! Ты тоже приехал на бал? Расскажи о себе, ведь мы так давно не виделись! Почти шесть лет.

Отец постепенно рассорился со всеми друзьями. Их замок стали обходить стороной...

От накатившей злости Бекки чуть не зашипела. Это все из-за мачехи! Из-за ее ядовитого жала и вечного нытья о «шумных кампаниях» и «грубых забавах». И ведь получилось же окрутить отца!

– Эй, Бекки, – ее запястье попало в плен мужских ладоней, и ярость лопнула мыльным пузырем.

Где-то сбоку ахнула Лора, но Бекки даже не попыталась выдернуть руку. А на губах против воли задрожала глупая улыбка.

– Прогуляемся? – предложил Альберт. – Помнится, ты любила качели в саду... Тут есть такие.

А она онемела от счастья. Конечно, прогуляется! Как в детстве – только вдвоем! Сердце стучало легко и быстро, а на щеках горел жар. Альберт здесь! И смотрит на нее как раньше – тепло и нежно.

Послав подальше приличия, она чуть не схватилась за предложенный локоть, но за спиной гроыхнул каменный обвал.

– И куда ты собрался прогуляться с моей женой?!

Проклятье! В замке от девчонки было куда меньше хлопот, чем теперь! Фон Арнет вдруг вздумалось преподнести сюрпризы! Сначала исключительное мастерство с кистями, затем неприлично оживший вид, и вот теперь молодой хлыщ, за которого – подумать только – девчонка спряталась! От мужа!

Вильгельм медленно выдохнул. Демонов запах, это все он. Духи или мыло фон Арнет попали точно в цель. От вкуса и до аромата Вильгельм обожал яблоки, и все, что с ними связано. Идиотская слабость сыграла с ним злую шутку. А девчонка, словно нарочно, благоухала так, что на мгновение Вильгельму до судорог захотелось уткнуться в изгиб тонкой шеи и глубоко вдохнуть.

Демоново искушение!

У Лидии тоже имелись притирки с запахом любимого фрукта, но слабый, будто призрачный аромат совершенно не подходил фигуристой красотке, да и пах не так... Вильгельм мог поклясться!

Весь день случившееся крутилось в голове, мешая сосредоточиться на по-настоящему важных вещах. Беседа с королем прошла из рук вон плохо! Мысли крючком тащило к случившемуся в карете, когда девчонка неожиданно оказалась в его объятьях. Тоненькая и легкая, почти прозрачная, но уже живая... И эти глаза! Назвать их обычными не поворачивался язык. Такой оттенок он видел только у солнечного сапфира – безумно дорогого и редкого камня, в котором темная до черноты синь мешалась с солнечным золотом.

Рассмотреть как следует фон Арнет не дала – шарахнулась в сторону. Едва дверь кареты не вынесла! Вильгельм бросился следом, чтобы схватить нервную дуру за шкурку, но та юркнула в другую сторону и чуть ли не с ногами забилась в самый дальний угол.

И сейчас прячется за плечом какого-то смазливой мальчишки! Вильгельм отлично знал такой типаж – холеная мордашка и костюм по последней моде. Без них не обходился ни один бал. Но внимание молодые щеголи предпочитали уделять богатым одиноким дамочкам, истосковавшимся по мужской ласке. Так какого демона ряженный павлин забыл тут?

– Так куда ты собрался прогуляться? – повторил с нажимом, нарочно опуская упоминание о жене. Случайно вырвалось.

Ответом стала наглая и напряженная ухмылка:

– Проводить Бекки в королевский сад... Так ты замужем! – а это уже девчонке.

Бекки? Не слишком много ли убудок себе позволяет?! Вильгельм сделал шаг вперед, но неожиданно фон Арнет выпорхнула из-за плеча своего «спасителя». Гордо вздернула подбородок и расправила плечи.

– Да... замужем, – сказала – как пощечиной наградила. – Герцог, позвольте представить Вам моего друга детства. Альберт Джонатан...

Друг детства... ну-ну. Под его пристальным взглядом мальчишка все же опустил глаза и сделал едва заметный шаг назад.

Не дождавшись продолжения разговора, фон Арнет едва слышно вздохнула.

– Мне пора, Альберт. Рада была тебя видеть.

– Я тоже, Ребекка. Увидимся.

Девичью руку отметил поцелуй вежливости, а Вильгельм едва осадил вспыхнувшее с новой силой раздражение. Юнец откровенно нарывался на грубость, видимо, решив, что бес- смертен.

К счастью, у фон Арнет было больше мозгов. Девушка чуть склонила голову, а затем молча удалилась. За ней семенила притихшая служанка.

Вильгельм проводил стройную фигуру долгим взглядом. Правильно, лучше ей сидеть в комнате и не доставлять хлопот. Девчонка отлично с этим справлялась. А Лориана получит хороший выговор за то, что не увела фон Арнет прочь, едва только на горизонте нарисовался этот... друг.

– Мое почтение, герцог, – мальчишка поклонился и направился в противоположную сторону.

А ему бы выкинуть случившиеся из головы, если бы не одно «но» – нежная улыбка Ребекки фон Арнет адресованная другому.

Глава 9

Жемчужно-серое платье струилось между пальцев светлым туманом. Такое простенькое на вид... без корсета и драгоценных камней, но Бекки не могла отвести взгляд. Легкие искры вспыхивали и гасли в складках шлейфа и на кружевном лифе. Казалось, что материя живая. Глубокие переливы завораживали, умело подчеркивая скоромные достоинства фигуры. Тонкая талия, нежная грудь, гибкие руки...

– Госпожа, да вы ангел просто! – ворковала Лора, вплетая в волосы тонкую веточку заколки. – Того гляди засияете. Ох, Джорджина, ну мастерица-искусница... Тут без красок никак нельзя, уж поверьте.

– Значит, будут краски, – без промедления согласилась Бекки.

Впервые за много лет она по-настоящему готовилась к балу. Не ради себя и уж точно не для герцога, пропади он пропадом!

Тщательно подавляемая злость заскреблась между ребер, пробуя нервы на зуб. Опять он все испортил! Появился так не вовремя! Уж лучше бы сидел со своей обожаемой любовницей! Ох, Бекки отчаянно надеялась, что хотя бы на этот вечер де Грейстор оставит ее в покое, ведь на балу обязательно будет Альберт.

– А у меня есть краски? – обеспокоилась вдруг.

– Есть, как не быть? Я сама все собирала, от одежды до украшений. Заказала в городе, – прошептала доверительно. – Ведь всякой девушке на королевском балу блистать охота. Да и статус ваш... – но под пристальным взглядом тут же осеклась, – простите.

– Тебе не за что извиняться, – вздохнула Бекки. – Давай краски.

Статус... Из последних сил подползая к алтарю она и не думала, что за какой-то месяц все повернется с ног на голову. Проклятая болезнь отступит, обнажая ужас от собственного замужества и отчаянное желание сорвать демонов браслет. Особенно сейчас, когда внутри разгорался прежний огонь.

На столик легла светлая коробочка с румянами, белилами и прочими женскими уловками. Бекки решительно откинула крышку и замерла. Она совсем не умела этим пользоваться, а выглядеть перед Альбертом размалеванным пугалом... Нет, лучше как обычно – дурнушкой.

– Лора, а ты бы не могла помочь? Я никогда этим не пользовалась.

Ответить девушка не успела. Дверь хлопнула, и в комнате стало на одного человека больше.

– Простите за внезапный визит, леди, – обворожительно улыбнулась незнакомка. – Я отчаянно нуждаюсь в убежище и намерена его получить.

– Надоедливый, как простудная хворь, и такой же скользкий. Слово «нет» не понимает. Осторожней с поклонниками, милая. Достаточно одного полунамека, чтобы потом не знать, в какую щель забиться...

Баронесса Олфорд – так звали неожиданную посетительницу – возмущенно поджимала ярко-алые губы и качала короной русых волос. Драгоценные камни заколок цокали в такт возмущенной речи. Женщину преследовал некий лорд с труднопроизносимой фамилией, поэтому-то Юлиана Олфорд решила на весьма эпатажный шаг – скрыться в чужих покоях.

– ...Но, хвала Создателю, я наткнулась на вас, – продолжила женщина, и обмакнула пушистую метелочку в румяна. – Был бы скандал, если бы комнаты принадлежали мужчине... Не вертите, милая, брови и ресницы надо подкрасить чуть сильнее. На вашем месте я бы использовала выжимку из коры Болотного дерева. Она затемнит волос, и нужда в краске отпадет. Готово, любуйтесь...

Бекки с опаской повернулась к зеркалу и замерла.

– Это... это не я! – ахнула, разглядывая незнакомку.

Девушка по ту сторону рамы удивленно округлила и без того огромные глаза. Черная подводка превратила их в сиявшие золотом и синью драгоценные камни, слегка подкрашенные губы казались особенно пухлыми, а скулы и переносица, так досаждавшие Бекки, будто уменьшились.

– О, нет, это ты, милая, – усмехнулась баронесса. – Запомни: излишняя скромность такой же грех, как тщеславие. Глупо прятаться от всего света – так и жизнь мимо пройдет. Смотри, какая ты хорошенькая... Как нежный бутончик яблони.

Женщина подхватила ее ладонь и вложила в руки метелочку.

– Встретимся на балу, милая. Думаю, твой избранник будет очарован.

И, придерживая подол темно-синего платья, баронесса удалилась.

– Спасибо.

Запоздалая благодарность разбилась о закрытую дверь.

– Богаты Вы на встречи, госпожа, – подала голос молчавшая до этого Лора. – Баронесса Олфорд – не последняя дама в столице, хоть и купила себе титул.

– Купила? – рассеяно пробормотала Бекки, не в силах оторвать взгляд от зеркала.

– Истинно так. До этого их семья мелкой сошкой слыла, пока Создателю не было угодно наградить Род золотой жилой на новом земельном участке. Чудо просто. А ко двору она пришла, ничего не скажешь. Остра на язык и богата... До сей поры головы мужчинам кружит, – и, понизив голос, доверительно сообщила: – а самой пятый десяток. Вот это женщина!

Пусть так. Сейчас мысли занимал лишь Альберт. И возможность увидеться с ним хотя бы один раз. Брачный браслет превратился в проклятую удавку, и тем сильнее было желание от него избавиться.

Зря она отказалась от посещения библиотеки замка. Наверняка там есть книги, которые прячут секрет магии рода де Грейсторов. Надо бы исправить эту досадную оплошность. Но прежде пережить бал.

– Виг, от тебя не было весточки целый день! Ты мог порадовать меня хотя бы строчкой!

Лидия капризно надула губы, но не забыла при этом чуть повести плечами, привлекая внимание к роскошному декольте. Зря старалась! Ответом ей стал хмурый и, как обычно, непроницаемый, взгляд.

Женщина тихонько выдохнула, борясь с искушением выругаться, а лучше впитаться ногтями в смуглое и бездушное лицо. Демонов кусок железа! Сколько можно его обхаживать?! Четвертый год стелиться под ноги мягким ковриком, чтобы вместо ручной зверушки получить по-прежнему непокорного хищника, который видит в ней просто удобство и выгоду! Безотказную девицу, готовую на любую прихоть! Но и любовник он такой горячий... Вся холодность пропадала, стоило им лишиться одежды. Проклятье!

подавив привычную вспышку бессильной ярости, Лидия приблизилась к застывшей у камина черной статуе.

Женское самолюбие орало в голос, требуя вести себя так, как хочется, но она хорошо знала цену секундной слабости. Лишиться потрясающего мужчины и безбедного будущего, приправленного титулом герцогини? Ни за что! Надо терпеть. Не долго осталось... Какой-то год, пока тощая «женушка» не сдохнет после родов. А ребенка можно будет отправить под благовидным предлогом в пансион подальше, терпеть рядом ублюдка фон Арнет Лидия не собиралась.

– Виг? – заглянула в черную бездну мужских глаз. – Прости. Думать, что ты будешь с этой... леди – ужасно трудно.

Ревностные нотки удались на славу. Не то чтобы ей было все равно, скорее, неприятно, но видеть в тощем убожестве соперницу? Глупость!

А вот явная отстраненность Вильгельма настораживала. С недавних пор герцог будто сам не свой! Видно, бал ему тоже поперек горла. О, как унижительно будет наблюдать де Грейстора под руку с костлявой уродкой! Это она – Лидия Рихтерберг – должна танцевать на балу с роскошным и богатым мужчиной, на зависть всем! И будь она проклята, но своего добьется. Осталось совсем немного.

– Верю в твою выдержку, – между тем швырнул ей в лицо мужчина. – А теперь, будь добра, покинь мою комнату. Скоро начнется бал, и тебе не мешало бы подготовиться.

Сволочь бездушная!

Лидия кротко вздохнула:

– Как прикажете, герцог.

Глава 10

Взгляд скользил по пёстрой толпе гостей снова и снова. Ее не интересовало богатое убранство главной залы. Оставили равнодушной тонкой работы люстры с текущими, точно водопад, искрами света, искусные статуи зверей и птиц, оживленные магией драгоценных камней, и роскошные витражи. Не волновал сидевший на троне король, великолепный, но холодный красавец с железным протезом вместо руки. И совершенно не трогал находившийся рядом герцог, напряжённый до такой степени, что ещё немного и в воздухе затрещат молнии.

Де Грейстор заявился к ней перед балом. Все как полагается, ни минутой раньше или позже. Только вместо того, чтобы уволочь на никому не нужный праздник, застыл в дверях.

А Бекки на крохотное мгновение испытала что-то вроде гордости или удовольствия. Захотелось еще выше задрать подбородок и расправить плечи. О нет, ей было плевать на реакцию мужчины, но если уж такой бездушный кусок камня удивился, то и Альберт не останется равнодушным.

Только бы его найти... Так много народа.

– Ваш друг детства около стола с напитками. Очевидно, готовится к встрече.

Бекки вздрогнула. Как узнал?! И сколько холода в голосе... кровь стынет.

– Благодарю, – едва разлепила губы. – Было бы чудесно перекинуться с ним парой слов. Язык ляпнул быстрее, чем Бекки успела его прикусить. Безмозглая! Мышцы под ее пальцами напряглись ещё больше.

– Перекинетесь парой слов с кем-нибудь из юных леди. Вам не мешало бы завести подруг. «Только попробуй, и ты пожалеешь», – звенело в каждой ноте драконьего рыка.

Пальцы впились в мужской локоть, и почти сразу же Бекки заставила себя расслабиться. С Альбертом она обязательно увидится так или иначе, а герцог может провалиться к демонам! Он ей не указ!

– Как скажете, герцог, – обронила девушка.

А ему до судорог захотелось схватить тонкие плечи и как следует встряхнуть. Заставить слететь этот невозможный в своей реальности мираж.

Рядом с ним порхала фея. Образ тощей дурнушки рассыпался прахом, обнажая воплощение забытой детской сказки. Нежная кожа, воздушный силуэт в мягких переливах шелка, пухлые губы... и неестественно огромные глаза редкого цвета. Но вместо тепла в них клубилась лютая стужа.

И будь он проклят, но это злило! Девушка даже не пыталась скрыть равнодушие. И так старательно рассматривала толпу, что и слабоумный бы понял, кого именно ищет Ребекка фон Арнет. Бывшая фон Арнет.

– Герцог, какая встреча... Рада приветствовать.

Мурлыкающе голосок, который еще недавно он слушал с удовольствием, прошелся по нервам ржавой пилой. Лидия. Не хватило мозгов держаться подальше?!

Под его взглядом красotka несколько стушевалась. А у самой лицо от фальшивой улыбки повело. Думала увидеть рядом с ним дурнушку? Как бы не так!

– А эта Ваша... супруга? – обронила ядовито. – Не представите?

И пока он запикивал поглубже желание послать идиотку к демонам, боязливая мышка вдруг оскалила зубы:

– Мы уже виделись, – в тихом голосе звякнула сталь. – В церкви. Помнится, вы сидели в первом ряду и пытались произнести свое имя.

Лидия так и вспыхнула. Губы в нитку, глаза темные. И на щеках пунцовые пятна в тон платью... Он и сам онемел на секунду. Укусить острую на язык язву? Да это еще уметь надо! Но тихоня только что умудрилась совершить невозможное.

Предупреждая яростный ответ, Вильгельм заткнул женщину коротким:

– Не представлю.

Позволять Лидии нападки он не собирался ни сейчас, ни до этого. Хватит с нее выходки с появлением в церкви, которая, судя по всему, не прошла гладко.

Женщина выдавила из себя любезную улыбку и, поклонившись, скрылась в толпе гостей. Каблучки туфель отбивали по мрамору ритм будущего скандала. Плевать. В последнее время Лидия стала забывать о разговоре, предшествующим женитьбе – дать ему закончить дело и не сунуть нос куда не просят. Пора бы напомнить, что его терпение не безгранично.

Ребекка осталась все так же каменно-спокойной. Но Вильгельм мог поклясться – девушка если не поняла, то догадалась, кто перед ней. И все равно молчала! Не топала ногами, не пыталась убить взглядом или изобразить оскорбленную невинность. И не реагировала на заинтересованные взгляды других мужчин. А они были... И будь он проклят – гораздо больше, чем хотелось бы. Даже король удивленно вздернул брови, увидев, кого Вильгельм подвел к трону.

По возвращении в замок надо будет проверить браслеты. Они действовали как-то странно. Да, определенно все дело в родовой магии.

– Ваше Величество, – грациозно присела Ребекка.

Главное – заставить себя не смотреть на протез. О, Создатель, как искусно сделан... И камни подобраны неплохо, хотя она бы кое-что поменяла местами. Опал этого оттенка тут ни к чему, он только портит рунный узор. Бекки перевела взгляд на короля. Ее не должно это касаться. Как и любовница герцога, рискнувшая высунуть рыльце, и получившая по нему щелчок. Где слова нашлись? Бекки не ожидала от себя такого злословия, но больше того – солидарности от герцога. Бархатная красавица плохо старалась ночью? Очевидно, так, раз де Грейстор рычит на всех в подряд.

– Ребекка де Герейстор, добро пожаловать, – серые глаза монарха смотрели устало, но твердо. – Чудесно выглядите.

Да, ей грех жаловаться. Разве что на фамилию.

– Благодарю, Ваше Величество.

Опять склонила голову. А восхищенного трепета перед государем и капли нет. В обморок бы от счастья падать – сам король комплиментом расщедрился, но мыслей только как бы скорее отделаться от своего мрачного тюремщика.

– Если не ошибаюсь, бал дебютанток вы пропустили?

Бекки так и вздрогнула – в самое больное попал. На том балу Альберт должен был бы сделать ей предложение. Она точно не знала, но надеялась... Ну и пусть юноша стал бывать реже – просто учеба в военной академии отнимала много сил, да и отношения между их отцами портились. И все равно Альберт каждый раз намекал на свои чувства. Даже написал пару писем... Но все пошло прахом.

В ночь перед балом ее свалил первый приступ тошноты и слабости. И лекарь не помог. О, сколько слез тогда Бекки пролила над прекрасным нежно-голубым платьем, так и не увидевшим бальные залы! А спустя год оно уже болталось на ней мешком.

– Не ошибаетесь, Ваше Величество. Мне... нездоровилось.

– Но теперь лучше? – не сдавался король.

Что за странный интерес? Лучше, и она бесконечно этому рада. Встреча с Альбертом окончательно вернула жажду жизни. И желание стряхнуть с руки брачный браслет.

– Да, Ваше Величество.

Король почему-то нахмурился и посмотрел на герцога. Но тот ответил молчанием.

– Что ж, время наверстать упущенное, – кивнул монарх. – Развлекайтесь.

И, словно в подтверждение его слов, зазвучала тихая музыка. А Бекки с тоской оглядела расступавшихся в стороны людей. Первый танец. И не с кем-нибудь...

Вокруг талии шелкнул раскаленный капкан.

– Окажите мне честь?

И ей не нужно было поднимать взгляд, чтобы увидеть кривую усмешку-трещину на каменной маске.

Пришлось склонить голову. Один танец. А потом она свободна. Герцог наверняка поскачет искать компанию ярче и мягче на ощупь.

Глава 11

Король молча разглядывал застывший у одной из стен клочок тумана. Девичий силуэт мог посоперничать грацией со статуей нимфы, у которой нарочно или нет остановилась Ребекка. И не одна.

Вильгельм мысленно выругался.

Проклятье! Баронесса Олфорд – та еще заноза в заднице. О ее выходках судачила вся столица. Завести себе несколько любовников? Раз плюнуть. Прогуляться в неслыханном по своей откровенности платье? Сколько угодно. Путешествовать без сопровождающих по экзотическим местам? Легко. Требовать права на обучение мужским наукам? И ведь добилась же... Раз за разом эта женщина бросала вызов обществу эпатажными выходками, но – подумать только – от поклонников и почитателей отбоя нет. И сейчас эта змея в юбке льет в уши замужней девушке какую-то дрянь.

Но короля не интересовала скандальная компания.

– Твоя жена не выглядит больной, – обронил скупно.

– И не должна. Эта магия браслета.

– Уверен? А если ее жизненные силы иссякнут слишком быстро?

Да, он тоже предполагал такое. Демоновы железки – изобретение сдвинутого на голову пращура – таили в себе прорву фокусов. Родственничек обладал сильным Даром и большой фантазией. Порой Вильгельм сожалел, что отцу вздумалось назвать сына в честь сумасшедшего предка.

– Нужно провести пару исследований.

Король нахмурился:

– Да, не помешало бы. Заглянем на пять минут в мой кабинет. Кроме невест, послы притащили ларец драгоценных камней. Хоть что то полезное... Среди них есть редкие экземпляры.

Послать бы к демонам и Генриха, и его «редкие экземпляры». А потом схватить прилипчивую баронессу за шиворот и отволочь в противоположный конец бальной залы. Девчонку же увести отсюда прочь. Хватит с нее одного танца. Так и норовила из рук выскользнуть. А он, как идиот, давил в себе желание проверить, сумеет ли ладонями обхватить талию. Такая тонкая...

– Пять минут, Ваше Величество, – процедил сквозь зубы.

Демонов бал. Надо было послать приличия и приказы куда подальше и вообще не покидать замок. Тем более с новоявленной супругой.

– Милая, как твое платье? Не истлело? Такой горячий взгляд! О, даже мне жарко...

Баронесса смеялась, прихлёбывая вино, а Бекки всерьез думала бежать в уборную, чтобы проверить, не появилась ли на спине дыра.

Тяжёлый взгляд не просто жёг – испепелял! И ей не нужно было поворачиваться, чтобы опознать владельца.

– ... Знаешь, когда мужчина смотрит так, то он как минимум заинтересован, – ухоженные ногти постукивали о хрусталь и ее нервы.

Заинтересован! Пусть бы направил свой интерес на ту, кто действительно в нем нуждается! Может, тогда бы исчезло это тревожащее своей ненормальной приятностью ощущение. На нее смотрел мужчина. Черноволосый, широкоплечий красавец, который не так давно плюнуть бы рядом побрезговал. О, Бекки ни на секунду не забывала, кто перед ней, но как же грела сердце мысль, что она ничуть не хуже бархатной стервы. Чтоб она сгнула.

От острого укола злости дыханье сбилось, а баронесса вдруг хмыкнула:

– Что, милая, не задалась семейная жизнь?

– Да лучше бы ее вообще не было! – выдохнула сквозь зубы. – Женился бы на... на другой!

Баронесса изогнула тонкую, будто нарисованную бровь:

– А как же приданное? О роше Создателя все местные кумушки языки счесали... Знаешь, что делянок с белым дубом по пальцам пересчитать можно?

А, значит, дело всё-таки в приданном! Да если бы она могла, все бы даром раздала. И пусть это память о ее отце и дедушке. Уж они бы точно поняли! И не допустили этого... брака. Ошибки!

– Пойдем ка прогуляемся, – женщина цапнула ее под локоть, и так ловко вручила бокал с вином, что Бекки и пикнуть не успела. – У короля дивный сад.

Какой сад? Ей бы найти Альберта! Кажется, она видела светлую макушку где-то справа. Во время так называемого «танца». Герцог буквально заставлял ее следовать за собой. Твердые, воистину каменные руки управляли ей как марионеткой! Но она не игрушка!

Знакомая фигура мелькнула в одном из проёмов. Альберт! И, кажется, он тоже собрался подышать воздухом.

– Сад так сад, – пробормотал торопливо.

К счастью де Грейстора поблизости не наблюдалось. Да и как там герцог сказал? Заводить знакомства? Баронесса не тянула внешностью на юную леди, но отчего-то в разговоре с ней было легко. Как со своей.

– Странно, что на балу не видно твоих бывших родственников, – задумчиво протянула женщина. – Кажется, у тебя есть сводная сестра...

– Две.

И ей глубоко все равно, почему мачеха решила вдруг пропустить это мероприятие. Видеть ее не было ни малейшего желания.

– О, семья тебя тоже не особо радовала... Знакомо. Не расстраивайся, милая. Мужем вертеть легче, чем озлобленной мегерой.

Бекки даже поперхнулась.

– Вертеть?!

Да скорее звёзды погаснут, чем такой кусок гранита как де Грейстор, превратится в мягкий воск! Это что же надо такое сделать, чтобы суметь оживить бездушную статую?

– Ну да. Любовь, знаешь ли, та ещё проказница. И на буйного жеребчика узду набросит, и нежной голубке когти ястреба подарит...

Но Бекки только головой качнула. Может, в сказках, а в жизни голубка найдет свою кончину под тяжелым копытом.

В лицо дунул свежий ветер, и лестница ушла вниз – к изножью первых деревьев. На ветках мерцали магические огоньки, а по мощным дорожкам гуляли люди.

Баронесса болтала о чувствах и умении их использовать, но Бекки слушала краем уха, пытаясь отыскать того, о ком ни на секунду не переставала думать. Альберт где-то рядом. Несколько раз во время танца она чувствовала его взгляд, но подходить, когда рядом пышет огнем де Грейстор – самоубийство.

– Нигде нет покоя, – поморщилась баронесса, любезным кивком отсылая во свояси очередного одинокого джентльмена. – Идём дальше. Терпеть не могу лишнего шума. О, новая статуя, никак герцог расстарался...

Бекки мазнула взглядом по сидящей на пьедестале девушке. Каменные пальцы ловко плели венки, а рядом ахали юные леди. Какое развлечение! Положи в корзинку букетик – и каменная дева оживет. И не просто покачает головой или ногой, а одарит прелестным украшением.

Было трудно, но Бекки заставила себя отвернуться. Подумаешь – живая статуя! Красивая... Легкая, как облачко, хоть и каменная. А складки платья как из настоящей материи...

Руки движутся плавно, без рывков. Сколько, должно быть, на это сил ушло... Так, хватит! Де Грейстор может гордиться своими способностями, а у нее есть дела важнее, чем млеть от восторга!

Бекки нервно пригубила вино.

– Ох!

Когда успело закончиться? Она же не пила! Или пила?

– Вкусное, правда? – вновь рассмеялась баронесса. – Это вино сделано из яблок, что растут на этих деревьях. Мед Создателя. Урожай, м-м-м, 2805 года, не позже... Из меня плохой сомелье. Хочешь еще?

Почему бы и нет? Последний глоток до сих пор цвел на языке фруктово-нежным послевкусием.

– Да, надо вернуться, – огляделась по сторонам.

Незаметно они зашли в самую гущу парка. Вокруг лишь деревья, да статуи, и еще... качели?

В центре живой беседки, густо увитой лозами, виднелась широкая скамейка.

– Незачем бегать вдвоем, – покачала головой женщина. – Побудь тут, а я вернусь через минутку. Кажется, недавно мы проходили мимо очередной живой игрушки с кувшином. Клянусь, там было вино.

Что ж, ей и правда не мешало бы отдохнуть – в ногах чувствовалась слабость.

Баронесса ласково улыбнулась и, забрав ее бокал, упорхнула в поисках каменного виночерпия, а Бекки с удовольствием присела на мягкую обивку сиденья.

Почти как в детстве! Только в их саду качели были обычные, а не из белого дуба. И скромнее размерами.

Бекки задумчиво огладила атласную ткань лежанки. Пусть тут богато и красиво, но разве роскошь дворца сравнится с уютом детских воспоминаний?

Небольшой сад, где она могла бегать босиком, а то и в штанишках вместо юбки, крохотный родник, из которого можно зачерпнуть воду и выпить, жмурясь от морозной свежести, добрая прислуга, что была частью семьи... Бекки легко могла заглянуть в кухню и утащить сдобную булочку или помочь ее испечь. И устроить себе местечко для рисования прямо в библиотеке, пока их библиотекарь Клаус, еще совсем не старый, а крепкий и бодрый, читал сказки. А уж когда отец открывал двери замка для деревенских ребятишек... О, какой это был праздник! Или вот поездки на ярмарки...

Пальцы бездумно очерчивали серебристый узор обивки. Когда все пошло прахом? Не с появлением ли в их доме бойкой гостьи и двух ее дочурок? Поначалу отец и не глядел в сторону мачехи, но потом все изменилось. Как? И почему добрый и открытый людям лорд превратился в нервного отшельника, а его дочь – в хилую размазню? Может быть...

– Бекки!..

Голос, который она так отчаянно мечтала услышать, вырвал ее из плена воспоминаний. Сердце стукнуло тревожно и сладко.

– ...Найдется местечко рядом? Или мне снова покачать тебя?

Улыбаясь по-мальчишечьи задорно и легко, к ней подходил Альберт.

Глава 12

Два десятка топазов для создания механизма и три снежных бриллианта в оплату работы. Неслыханная щедрость от послов Полташ. Танцы – не помеха торговле, особенно когда местные умельцы извели прорву времени на создание машины, помогавшей управлять погодой. Земли Полташ гнили без нормальной зимы.

Вильгельм ждал этого заказа. Знал, что рано или поздно приползут именно к нему и согласятся на любую цену, но сейчас был готов послать выгодную сделку к демонам, и короля в том числе. Их подловили у самого кабинета, и пять минут растянулись в полчаса! В конце концов, Вильгельм встал и покинул сборище, наплевав на приличия.

Пусть Генрих разбирается сам! А если послы взбрыкнут – скатертью дорога! Зря он оставил девчонку на попечительство баронессы. Увести ее прочь можно было и без предложения – ему ли привыкать? С тех пор как он переступил порог кельи фон Арнет и увидел стоявшую в луче света девушку, все пошло кувырком.

Проклятье! Ввязался на свою голову! Надо было выбрать, как ее... Эльвин или Эльвиру. Или кого-нибудь другого из списка. Слишком короткого, чтобы можно было выбрать.

Бальная зала встретила его раздражающим блеском и шумом. И отсутствием одной особы.

Все-таки он выругался. Нельзя отвернуться! И лучше бы девчонке просто отойти в уборную или затерялся среди толпы...

Перед глазами рябило от разодетых кто во что горазд гостей. Тщетно! Как сквозь землю провалилась. И наверняка не одна!

«Хотел проводить Бекки в сад», – протяфкал в ушах писклявый голосок мальчишки.

А не поискать ли там? Быстрым шагом Вильгельм направился к выходу. Взгляд зацепился за стоящую у окон Лидию, но, проигнорировав явно скучавшую женщину, он вышел на свежий воздух. Все потом! Выслушивать истерики ему даром не сдалось.

Чуть поодаль между гостями мелькнуло знакомое темно-синее платье и корона из русых кос. Баронесса? Вильгельм направился в сторону женщины, но та скрылась за поворотом. Что за демоновы игры?!

Повинуясь смутному предчувствию, он пошел следом. Девчонка рядом – это точно! Жгучий ком ярости обрастал шипами на каждый шаг. Какого демона он должен бегать за мелкой пигалицей, решившей вспомнить былые сердечные привязанности? В памяти колыхнулась нежная улыбка феи, адресованная другому, и только усилием воли Вильгельм не сорвался на бег.

Проклятье! Это начинало утомлять. Ему-то какое дело до девичьих увлечений? Пусть улыбается хоть всем в подряд! И все равно, как хлебные крошки в постели, память тревожили и злили крохотные мелочи, которых вдруг стало опасно много. Ее запах, цвет глаз, нежный шелк голоса, хрупкость фигуры, одаренность в живописи – по книгам училась, подумать только! – и...

Последний поворот за угол хорошим пинком выбил из головы сентиментальную дурь. Картинка перед глазами вспыхнула испепеляющей яростью, выжигая образ лизавшихся голубков.

– Развлекаешься? – прорычал едва слышно.

Девчонка вздрогнула, оборачиваясь к нему, а мальчишка шархнул в сторону выхода. Отлично, с него и начнет!

– Нет!

Бекки бросилась наперерез разъяренному герцогу. Душа в пятки ушла, едва на лицо его взглянула – убьет ведь! О, Создатель! Где были мозги, и зачем вообще она позволила Альберту вольность поцелуя?! Сама не заметила, как за обычной болтовнёй юноша оказался слишком быстро, а потом... потом она растерялась, ощутив чужие губы на своих. Мечтала же об этом еще девчонкой! Но обрадоваться не успела, де Грейстор оказался тут как тут.

Паника хлестала по телу мелким ознобом, ноги заплетались, но Бекки мигом очутилась напротив герцога.

– Не трогайте! – выпалила омертвевшими губами и, не соображая от страха, толкнула в каменные плечи.

Жалкая попытка! Да ее сейчас просто раздавят, как надоедливую мошку, а потом... Пристальный взгляд мужчины обжег кипящей смолой.

– Твой любовник успел удрать, мило.

Убежал? О, хвала Создателю!

– Он не мой любовник, – пискнула едва слышно, и попыталась сама сделать шаг в сторону, но вокруг запястья щелкнули кандалы мужских пальцев. Бекки так и перетрясло. Ей конец!

– Да, помню. Теперь это называется «друг детства», – швырнул в лицо насмешку. Как грязью окатил. И злость кипятком рванула по жилам.

– О своей подруге вы тоже не забыли, не так ли? – выкрикнула и сама испугалась брошенных слов.

В черных глазах полыхнуло зарево ярости. Смуглое лицо потемнело, и огоньки на деревьях вдруг потускнели и заискрились. Все, теперь точно убьет!

– Не забыл. Но не только о ней...

Рванув ее запястье вверх, герцог взглянул на браслет и недобро прищурился.

– ... время супружеского долга, леди!

Ноги подкосились, и ужас прошлых воспоминаний похоронил сознание под бесконечной тьмой.

Он успел подхватить ее в последнюю секунду. Только что девчонка огрызалась и пускала крохотные шпильки, напуганная и злая одновременно, и вот уже на его руках. Побледнела вдруг до мертвенной синевы и рухнула навзничь. А он чуть не упустил момент.

Прожигающая насквозь ярость исчезла как по щелчку. Что, демон заberi, происходит?! Откуда такая реакция?

Смутное беспокойство царапнуло по нервам. Крепче прижав к себе невесомую фигуру, он в несколько шагов очутился в беседке. Устроил девушку на сиденье качелей и замер, соображая, что делать дальше.

В голове вертелось дурацкое «ослабить корсаж», только его тут в помине не было. Взгляд скользнул по плавным изгибам и застыл на небольшой, но аккуратной и высокой груди. Вырез платья чуть съехал, дразня воображение тем, что скрыто под изморозью кружева. Лифа тоже нет...

Как сопливому юнцу, вдруг захотелось воспользоваться моментом. Ослабить едва заметную шнуровку, которая и не мешала вовсе. Навязчивый бред! Но как же подмывало дать себе волю. Коснуться выступающих холмиков, ладонью проверяя нежную плоть на упругость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.